

НОРА

№1 NEW YORK TIMES — BESTSELLING AUTHOR

РОБЕРТС

ВПЕРВЫЕ
НА
РУССКОМ!

ПРИДАНОЕ ЭСМЕРАЛЬДЫ

Нора Робертс

Приданое Эсмеральды

«ЭКСМО»

2013

Робертс Н.

Приданое Эсмеральды / Н. Робертс — «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-74288-2

Спасаясь от внимания газетчиков, бостонский адвокат Эли Лэндон приезжает на морское побережье в особняк Блафф-Хаус, где, согласно легенде, более двухсот лет назад были спрятаны драгоценности, принадлежащие дочери герцога Эсмеральде. Но и тут покоя нет! Шустрая Эйбра Уолш – молодая и привлекательная экономка Блафф-Хауса – следит не только за порядком в доме. Она готова кое-что исправить и в жизни Эли...

ISBN 978-5-699-74288-2

© Робертс Н., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	28
Глава 4	36
Глава 5	47
Глава 6	57
Глава 7	66
Глава 8	75
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Нора Робертс

Приданое Эсмеральды

Nora Roberts

WHISKEY BEACH

© Nora Roberts, 2013. This edition published by arrangement
with Writers House and Synopsis Literary Agency

© Бушуев А., перевод на русский язык, 2013

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Часть 1

Тьма

Большинство людей ведет безнадежное существование. То, что зовется смирением, на самом деле есть убежденное отчаяние.

*Генри Дэвид Торо. «Уолден, или Жизнь в лесу»
(перевод З. Александрова. – М.: Наука, 1979)*

Глава 1

Сквозь ледяную завесу пурги в неверной полосе яркого света от маяка на выступающей в море скале массивный силуэт Блафф-Хауса нависал над Виски Бич. Он с вызовом взирал на холодный и бушующий Атлантический океан.

Я простою здесь столько же, сколько ты будешь свирепеть там, внизу, как будто говорил он.

На протяжении более чем трех столетий, в том или ином своем воплощении, три массивных этажа возвышались над суровым скалистым побережьем, сквозь темные глазницы окон равнодушно наблюдая за буйством океанских валов.

Небольшое каменное строение, в котором ныне размещался склад садового инвентаря и прочих домашних инструментов, оставался единственным свидетелем того, с чего здесь все когда-то начиналось. Оно помнило тех, кто в схватке с жестоким и коварным океаном пытался обустроить жизнь на скудной каменистой почве Нового Света. Но каким же ничтожным и хрупким оно казалось по сравнению с внушительной стеной из золотистого песчаника, с изящными фронтонами особняка, широкими террасами из основательно потрепанного непогодой местного камня! Блафф-Хаус оставался несокрушимым памятником времен былого расцвета.

Он многое повидал на своем веку: бури, пренебрежение, бездумное расточительство, дурной вкус, взлеты и падения, омерзительные скандалы и высокие подвиги нравственности.

За его стенами жили и умирали, веселились и оплакивали семейные трагедии, строили планы, процветали, праздновали свои победы и тихо увядали многие поколения Лэндонов.

Порой окна Блафф-Хауса светились ярко, как тот большой маяк, что озарял водную гладь у скалистого и величественного северного побережья штата Массачусетс. Порой он как будто съеживался, закрывшись ставнями в ночной темноте.

Он стоял, величественно возвышаясь над бескрайними водными просторами, песчаным берегом и деревней Виски Бич, очень-очень давно, так давно, что уже казался вечным.

Для Эли Лэндона Блафф-Хаус остался единственным местом, где он мог найти пристанище. Убежище от того кошмара, в который его жизнь превратилась за последние одиннадцать месяцев.

Он уже почти перестал узнавать самого себя.

Два с половиной часа езды из Бостона по скользким дорогам окончательно вымотали его. Но первые признаки усталости – а он уже начинал чувствовать это – становились для него в последнее время приятным соблазном, словно ласки любимой женщины. Поэтому он не стал заходить в дом, а какое-то время сидел в машине в полной темноте. Мокрый снег хлестал по лобовому стеклу, по крыше, а он все не мог решить, как ему следует поступить: собраться с силами и войти в дом или остаться в машине и, возможно, даже попытаться уснуть в ней.

Как глупо, подумал он. Конечно, было бы абсолютно идиотским поступком заснуть в машине, когда всего в нескольких шагах от него находится особняк с удобными кроватями, в одной из которых можно прекрасно выспаться.

Но, с другой стороны, ему сейчас явно не доставало силы воли, чтобы встать и вытащить чемоданы из багажника. Вместо этого он схватил две небольшие сумки, лежавшие на сиденье рядом с ним, – сумки с ноутбуком и несколькими самыми нужными вещами.

Мокрый снег хлестал Эли в лицо, когда он вылезал из машины, но холоду и пробирающему до костей ледяному ветру с Атлантики удалось хотя бы сорвать с него верхние слои окутывавшей его отупляющей сонливости.

Волны с гулом ударились о камни, лизали береговой песок, и их шум сливался в неумолкающий звериный рык. Эли вытащил из кармана пиджака ключи от дома и поспешно последовал под крышу широкого каменного портика перед массивной двойной входной дверью, вытесанной более столетия назад из бирманского тика.

Прошло уже два – нет, уже почти три – года с тех пор, как он в последний раз был здесь. Жизнь слишком закрутила его, а работа и семейная катастрофа не позволяли ему приехать сюда к бабушке на каникулы, даже в небольшой отпуск, даже просто на уик-энд.

Конечно, он проводил время в обществе неукротимой Эстер Хоукин Лэндон всякий раз, когда она выбиралась в Бостон. Эли регулярно звонил ей, посылал электронные письма, напоминал о себе в «Фейсбуке» и общался по скайпу. Эстер уже приближалась к восьмидесятилетнему юбилею, но всегда с великим энтузиазмом и любопытством встречала любые технические новшества.

Он водил бабушку в рестораны, на вечеринки с коктейлями, дарил цветы, присылал открытки, подарки, устраивал встречи всем семейством на Рождество и на юбилей.

И все это, думал Эли Лэндон, открывая дверь, были всего лишь многочисленные оправдания тому, что он не нашел времени, чтобы приехать в Виски Бич – место, которое его бабушка любила больше всего на свете, и провести с ней по-настоящему много времени, уделить ей то внимание, которого она от него всегда ждала.

Он сразу отыскал нужный ключ и открыл дверь. Войдя в дом, зажег свет.

Эли сразу же обратил внимание на то, что она кое-что поменяла в доме. Неудивительно, бабуля умела сочетать любовь к переменам с уважением к традициям.

Несколько новых картин – морские пейзажи, сады и прочее – приносили мягкие тона в густо-коричневый цвет стен. Эли бросил сумки прямо у входа и мгновение просто осматривался, любуясь просторным и шикарно обставленным холлом.

Он обвел взглядом лестницу – оскалившихся горгулий, венчающих балясины, изготовленные когда-то по заказу кого-то из Лэндонов, отличавшегося особыми причудами. Два пролета лестницы, справа и слева, изящно изгибаясь, вели к северному и южному крылу дома.

Множество спален, подумал Эли. Ему просто нужно подняться по лестнице и выбрать одну из них.

Но не сразу.

Вместо этого он прошел в ту комнату, которую в семье называли главной гостиной, с высокими стрельчатыми окнами, выходившими в сад перед домом, или, точнее, в то, что станет садом после того, как зима отпустит его из своих цепких когтей.

Бабушки не было здесь уже больше двух месяцев, но Эли нигде не увидел ни пылинки. В камине были аккуратно положены дрова, оставалось лишь развести огонь. На изящном столике, который ей так нравился, стояли свежие цветы. Взбитые подушки на трех диванах, расставленных вдоль стен гостиной, смотрелись удивительно маняще, а пол с паркетом каштанового цвета блестел, как зеркало.

Бабушка, наверное, договорилась с кем-то, кто следит за домом, решил Эли и потер лоб в том месте, откуда начинала расползаться головная боль.

Она же вроде говорила ему? Говорила, что кто-то будет следить за домом. Какая-то соседка, которая и прежде регулярно делала здесь генеральную уборку. Да, Лэндон прекрасно помнил, что Эстер ему говорила, он просто забыл, память на какое-то время покрылась той пеленой тумана, которая в последнее время часто заволакивала его мысли.

Теперь его главной заботой станет присмотр за Блафф-Хаусом. Нужно заботиться о нем, как просила бабушка, поддерживать в нем жизнь. И, возможно, как она говорила, это поможет и ему самому по-настоящему вернуться к жизни.

Эли поднял сумки, взглянул на лестницу и застыл на месте.

Бабушку нашли там, у нижней ступеньки. А кто нашел? Кажется, соседка... Соседка? Не была ли она той самой соседкой, которая убирала в доме? Кто-то, кем бы он ни был, слава богу, нашел ее здесь. Эстер лежала без сознания, вся в синяках и ссадинах, истекающая кровью, с разбитым плечом, сломанным бедром и ребрами, с сотрясением мозга.

Она могла умереть. Врачи искренне удивлялись тому, с каким неистовством эта пожилая женщина цеплялась за жизнь. К ней редко заглядывал кто-то из членов семьи, ей нечасто звонили, и ни у кого из них, включая и самого Эли, не вызвало бы особого беспокойства то, что она день или два не отвечает на звонки.

Эстер Лэндон, независимая, неуязвимая, непобедимая.

Но она на самом деле могла бы умереть после того страшного падения, если бы не помощь соседки и ее собственная железная воля. Теперь же на время выздоровления от травм Эстер Лэндон поселилась в нескольких комнатах в Бостоне, в доме его родителей. Там она должна оставаться до тех пор, пока врачи не признают, что ее состояние позволяет ей вернуться в Блафф-Хаус, а может быть, если она послушает совета его родителей, то и несколько дольше.

Ему захотелось вспомнить о ней здесь, в доме, который она так любила, вспомнить о том, как она по вечерам сидела на террасе с бокалом мартини, созерцая океанские дали. Или о том, как она прохаживалась по саду, возможно, подыскивая удобное место для занятий живописью.

Ему хотелось видеть бабушку энергичной и крепкой, а не беспомощно лежащей на полу с поломанными костями и ребрами.

Да, он сделает все, что в его силах, чтобы поддержать жизнь в этом доме до ее возвращения.

Эли поднял сумки с пола и стал подниматься по лестнице. Он решил остановиться в той комнате, в которой останавливался всегда, приезжая в Блафф-Хаус, когда подобные визиты еще не стали редкими и случайными, как в последнее время. Линдси ненавидела Виски Бич, Блафф-Хаус и сумела превратить поездки туда в некую разновидность холодной войны, в которой противостоящими сторонами были его бабушка, демонстрировавшая холодную вежливую сдержанность, и его жена, отвечавшая ей вежливостью, подчеркнуто фальшивой. Страдал же от такого положения дел больше всех Эли, оказывавшийся между ними.

Теперь он считал, что выбрал самый легкий способ решения проблемы. Он мог лишь сожалеть о том, что перестал приезжать в Виски Бич, о том, что всякий раз находил массу глупых отговорок и ограничил встречи с бабушкой только ее не слишком частыми визитами в Бостон. Но время невозможно повернуть назад.

Эли вошел в спальню. Здесь тоже цветы, сразу же заметил он, и тот же пастельно-зеленый цвет стен, и две бабушкины акварели, которые ему особенно нравились.

Он поставил сумки на скамеечку рядом с массивной, причудливой формы кроватью и снял пальто.

Здесь все было по-прежнему. Небольшой письменный стол у окна, широкие двери, ведущие на террасу, кресло с подголовником и маленькой скамеечкой для ног, подушечку для которой много лет назад украсила вышивкой его прабабушка.

Эли пришло на ум, что впервые за долгое время он почувствовал себя дома. Почти дома... Он открыл сумку, извлек оттуда туалетные принадлежности, затем отыскал чистые полотенца и пахучее мыло. В ванной, как и прежде, приятно пахло лимоном.

Он разделся, стараясь не смотреть на себя в зеркало. За последний год он сильно похудел, слишком сильно. Любые напоминания об этом были ему неприятны. Он включил воду, вошел под горячую струю, в надежде на то, что она смоет хотя бы часть накопившейся усталости. По своему опыту Эли знал, что если ляжет в постель вымотанным и подавленным, то спать будет урывками и проснется с мучительной головной болью.

Выйдя из душа, он выхватил полотенце из стопки и, вытирая им волосы, вновь ощутил аромат лимона.

Влажные волосы скручивались в завитки на шее – густая светлая шевелюра, которую он в последнее время отпустил так, как не отращивал с юности. Он уже почти год не посещал своего парикмахера Энрике. Теперь у него не возникало потребности ни в стрижке стоимостью в сто пятьдесят долларов, ни в обширной хранившейся у него коллекции итальянских костюмов и туфель.

Он больше не был одетым по последней моде адвокатом, защитником в уголовных процессах, с кабинетом и со своей собственной адвокатской конторой в ближайшей перспективе. Тот человек – прежний Эли Лэндон – умер вместе с Линдси.

Эли откинул толстое одеяло, мягкое и белое, как полотенце, нырнул под него и выключил свет.

В темноте до его слуха продолжал доноситься неумолкающий шум прибоя, рев волн и стук ледяного дождя по окнам. Эли закрыл глаза в надежде на несколько часов полного забвения.

Всего несколько часов, на большее он не рассчитывал.

Черт, как же он облажался! Никто, ни один человек, думал он, мчась на машине сквозь густую пелену холодного дождя, не способен вывести его из себя так, как Линдси.

Вот же сучка!

Он прекрасно понимал, что вряд ли кто-нибудь мог бы соперничать с ее умом и особенно с ее железной волей. Она сумела убедить не только себя, но – Эли был абсолютно в этом уверен – и массу друзей, свою мать, сестру и бог знает кого еще в том, что их брак распался исключительно по его вине. Что исключительно из-за него они начали с посещений семейного психоаналитика, а закончили судебными тяжбами, готовясь к разводу.

И только по его вине, черт подери, она изменяла ему на протяжении более восьми месяцев, на пять месяцев дольше, чем тянулся их бракоразводный процесс, которого она так добивалась.

Наверное, его вина состояла также и в том, что он каким-то загадочным образом выяснил, что она лжет, интригует, изменяет ему. Это стало известно еще до того, как должен был поставить свою подпись в пустой строке документа, чтобы дать возможность Линдси начать свободную от него жизнь с приличным содержанием, которое будет выплачиваться из его же кармана.

Значит, они оба облажались, заключил он. Он – потому, что оказался таким идиотом, она – потому, что не сумела до конца сохранить все в тайне.

И, вне всякого сомнения, только он виноват в той злобной, грубой и поистине непристойной перепалке по поводу ее измены, которую они устроили в картинной галерее, где Линдси некоторое время подрабатывала. Конечно, кто будет спорить, он выбрал неудачный момент для выяснения отношений и не слишком красиво вел себя. Но теперь ему было на все это наплевать.

Ей так хотелось переложить всю вину на него потому, что она сама стала вести себя до такой степени беззастенчиво, что его собственная сестра застала ее с другим мужчиной. Они буквально висли друг на друге там, в вестибюле отеля в Кембридже, где вдвоем ожидали лифт.

Да, конечно, Триша ему не сразу обо всем рассказала, возможно, выждала пару дней, но он не мог на нее за это обижаться. Трише было сложно решиться и рассказать ему все. И ему самому потребовалась еще пара дней, чтобы успокоиться и набраться мужества для поисков надежного частного детектива.

Восемь месяцев – эта цифра снова и снова всплывала в его памяти. Она спала с каким-то другим мужчиной в гостиничных номерах, в дешевых мотелях и еще бог знает где. Ну, естественно, она была слишком умна, чтобы заниматься подобными вещами дома. Что подумают соседи?

Возможно, ему и не стоило тогда приходить в галерею, вооружившись уликами, раздобытыми детективом, и собственным беспредельным негодованием, чтобы бросить обвинения ей в лицо. Может быть, им обоим следовало проявить благоразумие и не затевать неприличную сцену в здании и не продолжать ее потом на улице.

Но им обоим обязательно нужно было выпустить на волю накопившееся раздражение.

Одно было Эли совершенно ясно: решение суда не станет для нее триумфом. Все чисто и справедливо, и вроде бы никакой необходимости требовать отдельного соглашения. С этим покончено. Она все узнает, как только вернется домой со своего благотворительного аукциона и обнаружит, что он забрал картину, купленную им во Флоренции, бриллиант, принадлежавший его прабабушке и перешедший ему по наследству, а также серебряный кофейный сервиз, который его абсолютно не интересовал, но также был частью его семейной собственности. Эли ни за что на свете не хотел делиться этими вещами с Линдси.

Вернувшись, она обнаружит, что участвует уже совсем в другой игре. Возможно, в очень недостойной – с его стороны, возможно, глупой, но, пожалуй, вполне справедливой и правильной. Он не мог смириться с подлостью и предательством, а на ее эмоции ему теперь было просто наплевать. Охваченный гневом, он подъехал к дому в бостонском Блэк Бэй. К тому самому дому, который когда-то, по расчетам Эли, должен был стать надежным пристанищем его будущей семьи – семьи, которая сейчас разваливалась прямо на глазах. Дом, в котором, как он надеялся, будут жить его дети. Дом, который они с Линдси с таким усердием обставляли, выбирали мебель и украшения, спорили о каких-то мелочах, иногда даже ссорились, но, в конце концов, всегда приходили к согласию. Тогда это казалось ему вполне нормальным.

А теперь они должны были продать его, а сами разойтись, забрав по половине того немногого, что в нем еще оставалось. Квартиру, которую, как он первоначально предполагал, он снимает на короткий срок, теперь ему все-таки придется купить.

Для себя одного, подумал Эли, вылезая из машины под дождь. В данном случае не возникло никакой необходимости в обсуждениях, спорах и соглашениях с кем бы то ни было.

И это, почувствовал он, рысцой пробегая к входной двери, стало для него настоящим облегчением. Больше никаких промедлений, никаких «может быть, все еще будет по-прежнему», никаких пустых упований на то, что их брак можно и нужно спасти.

И кто знает, возможно, своей ложью, подлостью и коварством она оказала ему настоящую услугу.

Теперь он мог уйти от нее без тяжелого чувства вины и раскаяния.

Но свое он ей не оставит.

Эли открыл дверь и вошел в просторное изящное фойе. Затем набрал на панели сигнализации нужный код. На тот случай, если она успела его изменить, у Эли имеются документы со здешним адресом. Он заранее подготовился к ответам на вопросы полиции и службы безопасности.

Он просто скажет им, что жена сменила код, а он об этом забыл.

Однако код остался прежним. И то, что Линдси не сменила его, обрадовало Эли и вместе с тем задело его самолюбие. Линдси считала, что очень хорошо знает мужа, и потому была абсолютно уверена, что он никогда не войдет в дом, который наполовину принадлежал ей, без ее разрешения. Он в свое время без особых возражений согласился выехать из этого дома, и поэтому, полагала Линдси, он никогда не войдет сюда один, никогда не посягнет на ее территорию.

Она была уверена в его воспитанности, в его «интеллигентности».

Но очень скоро она поймет, как жестоко ошибалась.

Мгновение Эли стоял неподвижно, прислушиваясь к тишине в доме, к тому особому чувству, которое возникало у него всякий раз, когда он сюда приходил. Нейтральные тона интерьера, служащие фоном для разбросанных здесь и там пятен ослепительно ярких красок, для смешения старого и нового, хитроумно причудливого и одновременно очень тонко продуманного, – все это создавало ощущение стиля.

В чем в чем, а в хорошем вкусе ей не откажешь, подумал Эли. Линдси умела показать себя, свой дом, умела устраивать вечеринки, которые всем нравились. Здесь он пережил много приятных минут, мгновения счастья, периоды полного удовлетворения жизнью, моменты удивительной близости и взаимопонимания. Здесь у него был секс, который приносил ему ощущение истинного наслаждения. Здесь были те воскресные рассветы, когда он чувствовал себя абсолютно свободным от всех забот.

Но почему же все пошло наперекосяк?

«Забудь об этом, – пробормотал Эли. – Делай свое дело и уходи».

Пребывание в бывшем семейном гнезде угнетало его. Эли поднялся вверх, проследовал прямо в гостиную рядом с главной спальней, обратив внимание на то, что на полке для вещей стоит ее большая дорожная сумка, наполовину упакованная.

Она может убраться куда, черт возьми, ей заблагорассудится, подумал Эли, с любовником или без.

Он сосредоточился на цели своего прихода. Открыв стенной шкаф, он набрал шифр в сейфе. Ему не нужны были лежавшие там пачки денег, документы, шкатулки с драгоценностями, которые он дарил ей на протяжении нескольких лет или которые Линдси сама себе покупала.

Мне нужно только кольцо, говорил он себе, одно-единственное кольцо. Кольцо Лэндонов. Он нашел нужную коробочку, открыл ее, несколько мгновений любовался тем, как оно мерцает на свету, после чего положил его в карман пиджака. Закрыв сейф и уже спускаясь по лестнице, Эли подумал, что ему следовало бы принести специальную упаковку для картины.

Из бельевого шкафа он на бегу выхватил пару банных полотенец.

Я здесь всего на несколько минут, повторял Эли. Ни на одно лишнее мгновение не хотел он задерживаться здесь, в доме, который наполнен самыми разными воспоминаниями, хорошими и плохими.

В большой гостиной Эли снял картину со стены. Он купил ее во время их медового месяца. Линдси была в полном восторге от нее, от ее ярких, напоенных солнечным светом красок, от очарования и простоты в передаче поля подсолнухов с оливковой рощей на заднем плане.

С тех пор они купили довольно много самых разных произведений искусства. Картины, скульптуры, посуду – и все за большие деньги.

Эли был совершенно равнодушен к ним, пусть все оно идет в «общую кучу» их совместно нажитого имущества и пусть уже суд делит его. Но только не эта картина!

Он завернул картину, положил ее на диван, прошел по комнатам, прислушиваясь к звуку дождя, барабанищему по окнам. У него в голове неожиданно возник вопрос, а не едет ли

Линдси сейчас под дождем сюда, чтобы завершить сборы к ночному путешествию со своим любовником.

– Ну, что ж, лови момент, – пробормотал Эли.

Завтра утром он первым делом позвонит своему адвокату, который занимается его разводом, и в самом прямом смысле спустит его с цепи.

С этого момента Эли жаждал крови.

Он вошел в комнату, из которой со временем они собирались сделать роскошную библиотеку, и, потянувшись к выключателю, в трепещущем отсвете молнии увидел ее.

В течение нескольких секунд до оглушительного удара грома, прозвучавшего ответом на его чисто инстинктивный возглас: «Линдси?» – он как будто отключился.

Рванувшись вперед, Эли ладонью ударил по выключателю. Она лежала на боку перед камином. Кровь. Много крови. Кровь на белом мраморе и на темном полу.

Ее глаза цвета горького шоколада, которые когда-то очаровали его, теперь казались тусклым стеклом.

– Линдси.

Он опустился на колени рядом с ней, взял ее руку, которая как будто тянулась к нему в надежде на помощь. Рука была холодна, как лед.

Эли проснулся в Блафф-Хаусе, с трудом выбираясь из ужаса почти еженощно повторявшегося сна.

Мгновение он просто сидел на кровати, не понимая, где находится и что происходит. Он окинул комнату рассеянным взглядом. Осознание того, где он находится, постепенно возвращалось к нему, сердце начало биться ровней.

Блафф-Хаус. Он приехал в Блафф-Хаус.

С момента смерти Линдси прошел почти год. Дом в Блэк Бэй наконец-то выставили на продажу. Тот кошмар остался в прошлом. Просто Эли временами чувствует его легкое прикосновение, и все внутри у него сжимается от ужаса.

Он запустил руку в волосы. Ему так хотелось забыться, снова уснуть, но он прекрасно понимал, что стоит сейчас закрыть глаза, и он опять окажется в маленькой библиотеке рядом с телом убитой жены.

Однако у него не было ни малейших причин вставать с кровати.

Ему показалось, что откуда-то доносится музыка, далекая, едва различимая музыка. Что это, черт возьми, за музыка?

За последние несколько месяцев в доме родителей он привык к разным звукам, на которые уже не обращал внимания: голосам, музыке, бормотанию телевизора. Но здесь, среди шума прибоя и ветра, музыка производила впечатление чего-то странного, чужого, постороннего.

Неужели он включил радио или телевизор и забыл об этом? Да, в нынешнем его состоянии подобное было бы неудивительным.

Ну, значит, все-таки есть причина встать.

Так как он пока еще не занес наверх остальные свои сумки, ему пришлось натянуть те джинсы, которые были на нем вчера. Затем схватил рубашку и на ходу надел ее.

Приближаясь к лестнице, Эли понял, что то, что он слышит, совсем не похоже на звуки радио. Проходя по главным комнатам, он без труда узнал голос Адели, но до него доносился и второй женский голос. Оба голоса составляли напряженный, слаженный и громкий дуэт.

Эли проследовал в ту сторону, откуда доносились голоса. Доносились они из кухни.

Партнерша Адели по дуэту сунула руку в хозяйственную сумку и достала оттуда небольшую связку бананов и положила их в бамбуковую вазу, в которой уже лежали яблоки и груши.

Происходящее не совсем укладывалось в голове Эли.

Женщина на кухне пела громко и хорошо, хотя и без особого волшебства, присущего голосу Адели, но все же превосходно. Внешне она напоминала фею – высокую, тонкую и гибкую фею.

Масса густых локонов орехового цвета тяжелой копной ниспадала ей на плечи и на спину поверх темно-синего свитера. У нее очень необычное лицо, подумал Эли. Подыскать более точное определение было сложно. Миндалевидный разрез глаз, тонко очерченный нос, острые скулы, крупные чувственные губы и родинка у левого уголка рта произвели на Эли впечатление существа из иного мира.

Правда, не исключено, что это впечатление объяснялось его затуманенным сознанием и прочими сложными обстоятельствами.

Пальцы женщины были унизаны кольцами. В ушах позвякивали серьги. С шеи свисал кулон в виде лунного серпика, а на левом запястье были часы белого металла, по форме напоминающие крошечный бейсбольный мячик.

Не переставая петь, незнакомка извлекла из сумки литровую бутылку молока и фунт масла и уже собиралась было отправить их в холодильник. И тут она увидела его.

Она не вскрикнула, просто неловко отпрянула назад, чуть не выронив бутылку с молоком.

– Эли? – Она поставила молоко на стол и схватилась унизанной кольцами рукой за сердце. – Господи! Ну, и напугали же вы меня! – С гортанным смехом незнакомка откинула назад копну выющихся волос. – Вы же должны были приехать только сегодня днем. Я не видела вашей машины. Правда, я подъехала с заднего входа, – продолжала она, сделав жест в сторону двери, ведущей на главную террасу. – Полагаю, вы оставили машину перед парадным входом. Все правильно. Вы что, приехали ночью? Машин на дорогах, конечно, меньше, но ехать по скользкому шоссе – то еще удовольствие. Но как бы то ни было, вы здесь. Хотите кофе?

Внешне она была похожа на долговязую фею, но смехом напоминала морскую богиню.

И еще она принесла бананы.

Эли растерянно смотрел на нее.

– Кто вы?

– Ой, извините. Я думала, Эстер все вам рассказала. Меня зовут Эйбра Уолш. Эстер попросила подготовить дом к вашему приезду. Я привезла вам продукты. Кстати, как чувствует себя Эстер? Я с ней не общалась дня два, только несколько коротких электронных писем и текстовых сообщений на телефоне.

– Эйбра Уолш, – повторил Эли. – Вы та женщина, которая нашла ее.

– Да, верно.

Она извлекла из сумки мешочек с кофейными зернами и засыпала их в кофемашину, которая была очень похожа на ту, что стояла у него в офисе.

– Жуткая история. Эстер не пришла на занятия йогой, а ведь она никогда их не пропускает. Я позвонила, но ваша бабушка не ответила, и тогда я отправилась сюда, чтобы узнать, что случилось. У меня был свой ключ. Я убираю в доме.

Пока кофемашинка шумно готовила порцию бодрящего напитка, Эйбра подставила под нее краник большую кружку и продолжила раскладывать покупки.

– Я всегда захожу в дом с заднего входа... По привычке... Я позвала ее, но... Тогда я начала беспокоиться. Подумала, что, возможно, ей стало плохо. И я пошла к лестнице, чтобы подняться наверх. И тут я ее увидела. Вначале было подумала... но смогла нащупать у нее пульс, и она на мгновение пришла в себя, когда я назвала ее имя. Я вызвала «Скорую помощь», но боялась ее переносить. Приехали они очень быстро, но мне тогда показалось, что прошло несколько часов.

Эйбра вынула из холодильника коробочку со сливками и добавила их в кружку.

– На барной стойке или в уголке для завтрака?

– Что?

– Значит, на стойке. – Она поставила кофе на стойку. – Так вам будет удобнее сидеть и беседовать со мной.

Эли смотрел на кофе, не прикасаясь к нему. Его собеседница улыбнулась.

– Я ведь все правильно сделала? Эстер говорила, побольше сливок, но без сахара.

– Да. Да, спасибо, все правильно.

Словно лунатик, он проследовал к стойке и уселся на высокий табурет.

– Она такая сильная, такая умная, такая самостоятельная. Ваша бабушка – мой идеал. Когда пару лет назад я сюда переехала, она была первой, с кем я здесь по-настоящему подружилась.

Спасительница Эстер говорила, не останавливаясь и не обращая ни малейшего внимания на то, слушает ли он. Иногда успокаивает просто звук чужого голоса. Наверно, у него был такой вид, будто он в самом деле нуждался в утешении.

Эйбра вспомнила его давнишние фотографии, которые Эстер показывала ей. Легкая улыбка, свет в голубых, типично лэндоновских глазах – хрустально голубых с очень темным ободком вокруг радужки. Теперь же Эли производил впечатление человека крайне уставшего, мрачного и исхудавшего.

Она попробует это поправить. Сделает все, что от нее зависит.

Эйбра вынула из холодильника яйца, сыр и ветчину.

– Она очень вам благодарна за то, что вы согласились приехать. Ей не хотелось, чтобы Блафф-Хаус пустовал. Она говорила, что вы пишете роман, это правда?

– Я... ммм...

– Знаете, Эли, я читала пару ваших рассказов. Мне они понравились.

Она поставила сковороду на плиту и одновременно налила в стакан апельсинового сока, насыпала ягоды в дуршлаг, а в тостер положила несколько ломтиков хлеба.

– В юности я писала очень плохие романтические стихи. Когда я попыталась положить их на музыку, получилось еще хуже. Но я очень люблю читать. Испытываю искренний восторг по отношению ко всем, кто способен написать увлекательную и красивую историю. Эстер очень гордится вами.

Эли поднял глаза на нее и встретился с ней взглядом. Зеленые, подумал он, словно море при легком тумане, и такие же неземные, как и все остальное в ней.

Может быть, она всего лишь призрачное видение.

Но тут на короткое мгновение ее рука, теплая и вполне реальная, коснулась его руки.

– Ваш кофе сейчас остынет.

– Да, наверное.

Он взял кружку и сделал глоток. И сразу же почувствовал себя немного лучше.

– Вы давно сюда не приезжали, – продолжала Эйбра, выливая взбитое яйцо на сковороду для омлета. – Здесь, в деревне, есть неплохой ресторанчик и пиццерия. Я привезла достаточно продуктов, но если вам что-то понадобится, у нас тут есть супермаркет. Если же вам не захочется выходить из дому, просто позвоните мне. Ну а если будете прогуливаться и вам захочется к кому-нибудь зайти, то знайте, я живу в доме «Смеющаяся чайка». Вы ничего о нем не слышали?

– Я... да. Вы ведь... работаете у моей бабушки?

– Раньше я убирала у нее раза два в неделю. Иногда чаще, по мере надобности. Вообще-то я помогаю по дому многим людям, когда у них возникает в этом необходимость. Кроме того, пять раз в неделю я провожу занятия по йоге в подвале здешней церкви и один раз в неделю у себя дома. Однажды я уговорила Эстер попробовать йогу, и она на нее под села. Кроме того, я делаю массаж. – Эйбра бросила на него взгляд через плечо и лукаво улыбнулась. – Но только лечебный. У меня есть диплом. В общем, занимаюсь очень многим, потому что очень многое меня интересует.

Она положила омлет на тарелку вместе со свежими фруктами и тостом. Поставила тарелку перед ним, а рядом разложила столовые приборы и ярко-красную салфетку.

– Мне нужно идти, я уже и так опаздываю.

Она сложила свои сумки в громадную хозяйственную сумку на колесиках, надела темно-лиловое пальто, обмотала вокруг шеи полосатый шарф, натянула лиловую вязаную шапочку.

– Увидимся послезавтра около девяти.

– Послезавтра?

– Да, я приду убираться. Если вам тем временем что-то понадобится, мои телефоны – сотовый и домашний – вон там на столе. Если будете прогуливаться, а я окажусь дома, заходите, не стесняйтесь. Ну, что ж... с возвращением, Эли.

Она проследовала к двери во внутренний дворик, на пороге обернулась и улыбнулась ему.

– Не забудьте позавтракать, – напомнила она и вышла.

Эли сел, тупо уставившись на дверь, затем перевел взгляд на тарелку. Поскольку никаких других дел у него не было, он взял вилку и начал есть.

Глава 2

Эли бродил по дому в надежде, что такая прогулка поможет ему собраться с мыслями. Он страшно не любил это ощущение свободного скольжения, блуждания с одного места на другое, от одной мысли к другой без реальной привязанности к чему-то конкретному, без ощущения твердого фундамента. Когда-то его жизнь была очень четко структурирована и даже имела цели и задачи. После смерти Линдси, когда эта четкая структура распалась, стремление двигаться вперед у него все еще оставалось.

Ясной и все себе подчиняющей целью стало спасение от тюрьмы, в которой он мог провести остаток жизни.

Теперь же, когда названная угроза несколько отдалилась, сделавшись менее реальной, какая же цель осталась? Литературная работа, напомнил он себе. Эли часто думал о том, что процесс литературного творчества помог ему избежать безумия.

Но за что он может зацепиться теперь? Где способен пустить корни? Здесь, в Блафф-Хаусе? Неужели все так просто?

Он проводил много времени в этом доме еще мальчишкой, а потом юношей. Так много летних дней в притягательной близости морского берега, так много зимних праздников и уик-эндов, когда он наблюдал за тем, как снег покрывает песок на берегу и выпирающие из него камни.

Простые времена. Замки из песка и семейные пикники на морском берегу. Встречи с друзьями. Катание с дедом на его превосходном шлюпе, который, как было хорошо известно Эли, бабушка до сих пор держит на пристани для яхт неподалеку от Блафф-Хауса. Шумные многочисленные яркие рождественские обеды с уютным потрескиванием дров в камине.

Мог ли он тогда вообразить, что когда-нибудь будет бродить, подобно призраку, по этим комнатам, силясь пробудить в памяти эхо ушедших голосов и образы былых, более счастливых дней.

Когда Эли вошел в бабушкину спальню, его мгновенно поразило то, что при всех изменениях, внесенных ею в последнее время – цвет стен, кое-какие мелочи, – в целом комната почти не изменилась с дней его детства.

Громадная, как из старинной сказки, кровать с пологом и четырьмя столбиками, на которой из-за сильной грозы и быстро проходивших родов когда-то появился на свет отец Эли. На бюро, как и в те уже давние годы, фотография более чем полувековой давности в серебряной рамочке: дедушка с бабушкой в день свадьбы, такие молодые, красивые, полные энергии. И вид из окна на море, песчаный пляж и резкие очертания скалистого побережья – все осталось прежним.

Внезапно перед мысленным взором Эли предстал яркий образ одной давней летней ночи и сильной грозы. Оглушительные раскаты грома, молнии, прорезающие небосвод. И они с сестрой, на неделю приехавшие в Блафф-Хаус, охваченные ужасом, бегут в бабушкину спальню.

Сколько ему тогда было лет, пять или, может быть, шесть? Но эта сцена возникла перед ним теперь, словно сквозь прозрачное чистое стекло. Ослепительные вспышки света за окном. Поражающая своими размерами старинная кровать, на которую он взбирался, собрав все свои детские силенки. Он слышал, как смеется дед, поднимая перепуганную Тришу на кровать. Странно, но только сейчас Эли понял, насколько его отец в последнее время стал похож на деда.

«У них там на небе сегодня вечером безумная вечеринка! Это же рок-концерт на небесах», – смеялся дед.

Воспоминание ушло, но Эли почувствовал себя намного лучше.

Он подошел к дверям, ведущим на террасу, повернул ключ в замке и вышел наружу, на холодный воздух.

Волны, которые поднимал сильный ветер, приносивший с собой запах снега, неистово бились о берег. На самом краешке суши, на краю песчаной косы, над нагромождением скал возвышалась, сияя непорочной белизной, башня маяка. Дальше, на горизонте, в водах Атлантики Эли разглядел крошечную точку – корабль, бороздящий бурные океанские воды.

Куда он направляется? Что везет?

Когда-то давно они любили играть в одну игру, разновидность игры в «первую букву». Корабль направляется в Армению и везет артишоки.

Впервые за очень долгое время Эли, сжавшись от пронизывающего холода, улыбнулся.

Или на Багамы и везет бабуинов. Или в Каир с грузом кокосов. Или в Данию с компанией дантистов. Но точка на горизонте уже исчезла из виду.

Еще мгновение он оставался на ледяном ветру, прежде чем вернуться в домашнее тепло.

Ему срочно нужно чем-нибудь заняться. Выйти к машине, забрать из нее свои вещи. Распаковать их.

Но, может быть, все-таки позже.

Эли возобновил свою прогулку по дому. Зашел даже на третий этаж, который когда-то, в давние времена, когда Эли еще не было на свете, занимали слуги.

Теперь эти помещения превратили в огромную кладовку с затянутой чехлами мебелью, ящиками, коробками. Все это размещалось в основном в широких коридорах, в то время как многочисленные комнатки, когда-то служившие спальнями для горничных и поваров, оставались пустыми. Без всякой цели он прошел по ним в то крыло здания, что выходило на море, и в помещение прямо за фронтоном с его широкими стрельчатыми окнами, из которых открывался вид на море.

Комната старшего дворецкого, решил Эли. Или старшей экономки? Он уже не помнил точно, где была чья. Но кто бы ни занимал эту комнату, он или она претендовали на особое помещение с отдельным входом и террасой.

Теперь больше не было нужды содержать подобный штат прислуги и вообще сохранять жилой облик третьего этажа. Так что из него не только убрали мебель, но и перестали отапливать. Практичная бабушка Эстер заперла третий этаж много лет назад. Возможно, когда-нибудь настанет день, когда новый владелец, кем бы он ни был, вернет сюда жизнь, найдет третьему этажу новое предназначение, сбросит все эти мрачные саваны с мебели, зажжет свет и вновь разведет огонь в каминах. Но сейчас здесь было так же холодно и неуютно, как и в душе Эли.

Он спустился с верхнего этажа и продолжил блуждания по дому.

И неожиданно для себя обнаружил некоторые изменения.

Одну из спален второго этажа бабушка превратила в нечто среднее между кабинетом и гостиной. Все-таки скорее в кабинет, решил он. С набором компьютерной техники на роскошном старинном письменном столе, креслом для чтения и диваном для дневного отдыха.

И несколько ее картин на стенах: розовые пионы в синей вазе; туман, поднимающийся над прибрежными дюнами. И, конечно же, великолепный вид, столь необходимый изголодавшейся душе.

Эли вошел в комнату, проследовал к столу и снял записку с монитора.

Почерком Эстер было написано:

Пиши здесь, уже пора бы начать.

Передано Эйброй.

Мгновение, нахмурившись, он смотрел на записку. Ему было немного неловко от того, что бабушка использовала соседку в качестве передатчика. Все еще держа записку в руке, он осмотрел комнату, окна, заглянул даже в маленькую ванную и во встроенный шкаф, в котором

помимо простыней, одеял и подушек лежали также различные офисные принадлежности. Это значит, решил Эли, что диван раскладной.

Тоже весьма практично. В доме пять или даже больше спален – он даже не мог в точности припомнить их количество, – но почему не использовать и еще одну комнату, если есть такая возможность?

Эли присвистнул и покачал головой, увидев мини-холодильник с зеркальной дверцей, полный бутылок с минеральной водой, среди которых была и его любимая со времен колледжа газировка «Маунтин дью».

«Пиши здесь».

Комната ему очень понравилась, и мысль о том, чтобы сразу же настроичить пару страниц текста, привлекала его значительно больше, чем необходимость распаковывать вещи.

– Хорошо, – произнес он, – отлично.

Он прошел в свою комнату и вынул кейс с ноутбуком, после чего отодвинул клавиатуру и монитор в сторону, расчистив место для собственного инструмента. И раз уж в холодильнике стоит его любимая минеральная вода, черт возьми, почему же не воспользоваться таким случаем! Эли включил ноутбук.

– Отлично! – воскликнул он. – С чего же начнем?

Эли открыл бутылку и нужный файл, быстро просмотрел текст и, бросив еще один последний взгляд на вид за окном, погрузился в работу.

В очередной раз он ускользнул от неприятной действительности.

Со времен колледжа он занимался литературой в качестве хобби, любимого увлечения, не более. И когда ему удалось опубликовать несколько рассказов, он начал по-настоящему гордиться собой.

За последние полтора года, когда его жизнь пошла под откос, Эли неожиданно обнаружил, что писательский труд стал для него гораздо лучшим лечением, чем пятидесятиминутные сеансы у психиатра.

Он мог уходить в мир, который сам создал и которым – до определенной степени, конечно, – мог управлять. И как ни странно, чувствовал себя в нем более естественно, чем в так называемой реальности.

Эли писал о том, что знал. Он сочинял юридические триллеры, поначалу в виде коротких рассказов, а теперь впервые предпринял жуткую и одновременно соблазнительную попытку написания романа. Это занятие давало ему возможность поиграть с законом, использовать его, злоупотреблять им в зависимости от характера персонажей, возникавших в его воображении. Он мог придумывать самые разные юридические казусы, изобретать их решения, ходить по тонкому и скользкому канату юридических уловок, лавируя между законом и справедливостью.

Он выбрал профессию адвоката, потому что закон со всеми его недостатками, со всеми его двусмысленностями и возможностью самых разных толкований притягивал его. А еще потому, что их семейный бизнес, производство «Виски Лэндон», ему не подходил так, как подходил отцу, сестре и даже зятю.

Он хотел заниматься уголовным правом и неуклонно добивался успеха в течение всех лет учебы на юридическом факультете, затем работая клерком у судьи Рейнгольда, человека, которого он уважал и которым восхищался, и, позднее, перейдя в контору «Кинсейл, Шуберт и партнеры».

И вот теперь, когда закон так трагически подвел его самого, он занялся сочинительством, чтобы уловить течение жизни и напомнить себе, что некогда правда побеждала ложь и справедливость торжествовала.

К тому моменту, когда он вернулся к реальности, освещение в комнате изменилось и стало как-то сумрачнее. Эли с удивлением обнаружил, что уже четвертый час. Значит, он, не отрываясь, проработал почти целых четыре часа.

– Эстер снова победила, – пробормотал он.

Он закрыл файл с романом и зашел в почту. Масса спама, отметил он и тут же занялся его уничтожением. После чистки в почте мало что осталось. По крайней мере, там не было ничего такого, что необходимо было бы срочно прочитать. Эли решил написать родителям и сестре. Для всех он составил одинаковый текст: Во время поездки не возникло никаких проблем. Дом выглядит превосходно. Чувствую себя великолепно, устраиваюсь, прихожу в себя. И ничего о повторяющихся снах, подкрадывающейся депрессии и болтливых соседках, готовящих омлеты.

Затем он написал еще одно письмо – бабушке.

Любимая моя бабушка,

Пишу на том месте, где ты мне наказала. Спасибо. На море рябь стального цвета с белыми гребешками пены. Наверное, вот-вот пойдет снег. Кажется, в воздухе даже чувствуется его вкус. Дом выглядит превосходно. Чувствую себя в нем просто прекрасно. Я уже успел забыть эти ощущения. Прости меня, бабушка, – только не говори, что я не должен извиняться, – прости меня, дорогая, за то, что я перестал приезжать. Теперь чувствую себя особенно виноватым.

Возможно, если бы я чаще навещал тебя в Блафф-Хаусе, то многое понял бы в своей жизни более ясно, постарался бы принять или изменить или, может быть, в твоей жизни все не обернулось бы так трагически?

Мы никогда не узнаем наверняка, и, конечно, во всех подобных «если бы» нет никакого смысла. Но в чем я абсолютно уверен, так это в том, что жить здесь очень хорошо и уютно. Не волнуйся, буду присматривать за домом до тех пор, пока ты не вернешься. А сейчас я собираюсь прогуляться по берегу, потом вернусь и разведу огонь в камине, надеюсь, успею до снегопада.

Люблю тебя,

Эли.

Р. С. Познакомился с Эйброй Уолш. Правда, не помню, поблагодарил ли я ее за то, что она спасла от смерти самого дорогого мне человека. Обязательно это сделаю, когда она придет еще раз.

Отослав письмо, Эли подумал, что, даже если он в самом деле не помнит точно, поблагодарил ли он Эйбру, зато прекрасно помнит, что за покупки он ей не заплатил.

Он написал себе напоминание об этом на листке для заметок и приклеил его на экран монитора. Последнее время память постоянно подводит его.

Надо было распаковывать вещи, дальше откладывать это невозможно. Ему просто-напросто необходимо переодеться, ведь он уже целых два дня не менял одежду. Нельзя позволять себе опуститься, махнуть на все рукой!

Запасшись той энергией, которой зарядила его работа над рукописью, Эли натянул пальто и проследовал к машине. Главное – напомнил он себе, – что перед выходом на улицу не забыть надеть еще и обувь.

Распаковывая сумки, он обнаружил, что взял с собой множество ненужных вещей. Ему едва ли мог понадобиться здесь костюм, не говоря уже о трех или четырех парах модельных туфель или пятнадцати (О господи!) галстуках. Он все это сунул в сумки чисто механически. Собирался ведь на автопилоте!

Эли развесил вещи в шкафах, разложил по полкам, расставил книги, отыскал айпод и зарядное устройство для телефона. Как только его личные вещи заняли свои места в шкафах и комнате, он обнаружил, что чувствует себя в доме еще свободнее.

Затем открыл кейс для ноутбука, вынул из него чековую книжку – он постоянно напоминал себе о необходимости заплатить соседке при первом же ее визите – и засунул ее в ящик стола вместе с набором ручек, которые по суеверной привычке всегда возил с собой.

Теперь ему надо прогуляться. Пройтись, размять ноги, подышать свежим воздухом. Прогулка – полезное для здоровья занятие. В последнее время его апатия была настолько сильна, что приходилось даже заставлять себя перешагнуть за порог и сделать несколько шагов. Нужно выходить каждый день, пусть это будет всего лишь короткий променады по берегу. Нельзя лениться и погрязнуть в мрачных мыслях – только вперед!

Эли натянул куртку, сунул ключи в карман и поспешно вышел через двери террасы, чтобы не дать себе возможности передумать.

Он нехотя пересек мощенную камнем площадку под жуткими порывами ветра. Пятнадцать минут, всего каких-нибудь пятнадцать минут, убеждал он себя и, втянув голову в плечи и сгорбившись от холода, направился к ступенькам, ведущим к пляжу. Вот когда он дойдет до берега, можно будет начинать отсчет пятнадцати минут. Семь с половиной минут он будет идти от дома и семь с половиной минут – обратно к дому: простая арифметика.

Потом он разведет огонь в камине, сядет перед ним со стаканчиком виски, если у него возникнет такое желание, и будет размышлять о бытии.

Песок на дюнах вздымался маленькими вихрями, а ветер, дувший с моря, по-хулигански подбрасывал пряди водорослей, выброшенных на берег. Белые барашки волн, о которых он писал бабушке, галопом мчались над водой серо-ледяного цвета. Ветер обжигал горло при каждом вдохе, казалось, будто он глотает битое стекло. Зима ледяными когтями впивалась в Виски Бич, напоминая Эли о том, что он забыл дома перчатки и шапку.

Завтра я буду бродить по берегу тридцать минут, начал он торговаться с самим собой. Или в какой-то другой день даже целый час. И, вообще, кто сказал, что выползать из дома надо ежедневно? Кто установил такие правила? На улице жуткий холод, и любой идиот, взглянув на набухшее тучами небо, на клубящиеся облака, поймет, что оно вот-вот разрешится тяжелым валом снега.

И только полный придурок станет гулять по морскому берегу в бурю.

Эли дошел до засыпанных песком ступенек. Все его мысли потонули в рокоте волн и реве ветра. Нет, сегодня определенно нет никакого смысла морозить нос, он практически убедил себя и, уже собравшись повернуть назад, поднял голову.

Волны катились из серо-стального мира воды и накатывали на берег с мощью и яростью осадных орудий. Боевые клики слышались Эли в каждом валу. Среди песка вздымались ввысь выступы скал, на которые неистово набрасывались волны. Они на несколько мгновений откатывались назад, как будто перегруппировываясь, и снова неслись вперед в нескончаемом сражении, в котором ни одной из сторон никогда не суждено одержать победу.

Над полем битвы выжидающе нависало небо, словно просчитывая, в какой момент нанести удар.

Эли остановился, пораженный удивительной картиной силы и величественной красоты природы, великолепия первобытной энергии.

Помедлив несколько мгновений, понаблюдав за битвой стихий, он пошел дальше.

На всем длинном берегу, кроме него, не было ни одной живой души, и слышалось только завывание ветра и злобный рев волн. Окна коттеджей и домов побольше, стоящих над дюнами, были плотно закрыты от ледяного ветра. Насколько хватал глаз, пляж был пуст, никого не было видно на ступеньках, что вели к берегу, так же как и на ближних скалах и склонах. Никто не всматривался в океанские дали с пирса, о который с остервенением бились тяжелые валы.

Эли был здесь один, словно Робинзон Крузо. Но одиноким он себя не чувствовал. Невозможно чувствовать себя брошенным, подумал Эли, в окружении этой мощи и энергии. Он обязательно закрепит свое нынешнее ощущение, пообещал он себе, вспомнит испытанное сегодня чувство в следующий раз, когда у него возникнет потребность найти оправдание себе и своему стремлению спрятаться от окружающего мира.

Эли очень любил здешний берег, а этот его участок предпочитал всем другим. Он обо-жал бывать здесь накануне бури – зимой, летом, весной, не имело значения когда. Ему нрави-лись дни, когда пляж оживал во время сезона отпусков, когда люди ныряли в накатывавшие волны, лежали, вытянувшись на полотенцах, или сидели на раскладных стульях под навесами и пляжными зонтиками. А каким восхитительным был этот берег на восходе солнца и в неж-ном прикосновении летних сумерек!

Почему же так долго он лишал себя этого наслаждения? Обвинять обстоятельства он не мог, в сущности, и Линдси ни при чем. У него была возможность приезжать сюда чаще, и он должен был ею воспользоваться. Ради бабушки, ради себя. Но он выбрал самый простой способ, вместо того чтобы пытаться объяснить, почему сюда не желает возвращаться его жена, и искать надуманные предлоги для нее и для себя. Или начать спорить с Линдси, когда она предлагала отправиться на Кейп Код или Мартас-Винъярд или даже в Европу на Лазурный Берег.

Он устранился, попробовал замаять проблему и на самом деле все еще больше усложнил, даже более того, Эли утратил нечто очень важное. И если он не вернет это сейчас, ему некого будет винить, кроме самого себя.

И Эли пошел по берегу по направлению к пирсу. Он вспомнил о своем ярком летнем любовном романе с одной девушкой здесь, накануне поступления в колледж. О том, как они с отцом ловили рыбу, не имея ни малейшего представления о правилах рыбной ловли. Потом к нему пришли еще более давние воспоминания из далекого детства, когда он с местными мальчишками копался здесь в песке в поисках пиратских сокровищ.

Он вспомнил «Приданое Эсмеральды». Старинную, но все еще живую легенду о сокро-вище, захваченном пиратами в ходе жестокого морского сражения, а затем утраченном ими, когда пользовавшийся жуткой славой пиратский корабль «Калипсо» потерпел крушение на рифах Виски Бич, фактически у самого подножия Блафф-Хауса.

На протяжении долгих лет Эли слышал множество версий этой легенды, а ребенком вме-сте с друзьями пытался отыскать клад. Как же они тогда хотели найти драгоценности и стать современными пиратами!

Но, подобно многим незадачливым искателям кладов, они не обнаружили ничего, кроме крабов и ракушек. Но как же он любил те давние увлекательные поиски долгими летними солнечными днями!

Он сроднился с Виски Бич, где даже скалы отвечали ему взаимностью. Эли здесь всегда было хорошо. Остановившись, он посмотрел на пенящиеся у ног волны и почему-то почув-ствовал уверенность, что ему и теперь будет здесь хорошо.

Эли прошел значительно дальше и оставался на улице дольше, чем поначалу намере-вался, но теперь, повернув обратно, мечтал о стаканчике виски у камина как о настоящем удовольствии, как о ценной награде, а не как о способе бегства от реальности или средстве забвения.

Наверное, следовало бы что-то приготовить себе поесть, он ведь совсем забыл об обеде. В животе заурчало, и Эли неожиданно вспомнил, что ничего не ел с самого утра.

А это означало, что он изменил еще одному слову, данному себе: попытаться набрать потерянный вес и начать вести более здоровый образ жизни. Соседка позаботилась о продуктах для него, поэтому...

Подумав о ней, он бросил взгляд на дюны и увидел «Смеющуюся чайку» и множество соседних домиков вокруг. Яркого-голубой цвет сайдинга на ее доме выигрышно выделялся на фоне пастельных и кремовых тонов соседних строений. Кажется, когда-то этот коттедж был обычного серого цвета. Однако по необычной форме дома с заостренным фронтоном, низким скатом крыши и стеклянным выступом солярия его можно было сразу отличить от всех остальных.

Эли заметил, что в доме включен свет, чтобы рассеять надвигающуюся мглу.

Я сейчас же пойду к Эйбре, решил Эли, и расплачусь с ней наличными. И об этом можно будет забыть. А по дороге домой вспомню о прошлом всех домов в округе и об их жильцах.

Теперь у него появилось нечто по-настоящему радостное и непритворное, о чем он мог сообщить родственникам. Ходил на прогулку по берегу (подробно описать) и по пути домой зашел к Эйбре Уолш. Бла-бла-бла, новая краска на «Смеющейся чайке» очень хорошо смотрится.

Вот видите, озабоченные моим состоянием родственники, я больше не отгораживаюсь от людей. Хожу в гости, завожу знакомства. Жизнь постепенно входит в нормальное русло.

Поднимаясь на дюны, Эли мысленно сочинил письмо. Затем повернул на гладкую, посыпанную гравием дорожку рядом с небольшим двориком, окруженным кустарником, с обилием садовой скульптуры: с фантастической русалкой, устроившейся на собственном хвосте, с лягушкой, играющей на банджо, и с маленькой скамеечкой с опорами в виде крылатых фей. Он был настолько поражен непривычным для него оформлением двора и тем, как идеально оно подходило стилю дома, что не замечал движущихся фигур за окном солярия до тех пор, пока не открыл дверь дома.

Несколько женщин с разной степенью тренированности и изящества приподнялись на ковриках для занятия йогой и приняли позу, которую Эли определил как «позу Смотрящей Вниз Собаки».

На большинстве участниц тренинга были костюмы для занятий йогой: цветные топики, обтягивающие лосины – то, что ему часто приходилось лицезреть в спортивных залах. В те времена, когда он еще следил за своей формой. На некоторых были обычные спортивные штаны или шорты.

Все они не очень уверенно выбросили вперед ногу, затем поднялись, слегка покачиваясь. Нога, вытянутая вперед, согнута, нога, вытянутая назад, прямая, руки вытянуты.

Немного смущенный, Эли сделал шаг назад к двери, когда вдруг понял, что всеми этими упражнениями руководит Эйбра.

Она приняла нужную позу. Ее густые волосы были завязаны сзади в хвост. Топик темно-лилового цвета подчеркивал длинные, красиво очерченные руки. Лосины серого цвета плотно облегли узкие бедра и длинные ноги и доходили до крупных, но длинных ступней, пальцы на которых были покрыты лаком того же лилового цвета, что и топик.

Эли был поражен увиденным. Он не мог оторвать глаз от Эйбры, которая – за ней ее движения тут же повторили и все остальные – наклонилась назад, занесла руку над головой, повернула торс, подняла голову.

Затем она выпрямила вытянутую вперед ногу, резко подалась вперед, наклонилась вниз, рукой коснувшись пола рядом с вытянутой вперед ногой. Другая рука устремилась вверх вертикально, указывая на потолок. И вновь она повернула торс. Прежде чем Эли успел сделать шаг назад, она повернула также и голову. Их взгляды встретились.

Эйбра приветливо улыбнулась. Так, как будто ничуть не удивилась его появлению и даже ждала его прихода.

Эли все-таки попятился, жестом попытавшись извиниться за невольное вторжение, но Эйбра уже выпрямилась. Он заметил, что она, пробираясь между ковриками и телами, подала знак одной из женщин.

Как ему следует поступить теперь?

Входная дверь открылась, и Эйбра ему снова улыбнулась:

– Привет, Эли.

– Извините. Мне как-то не пришло в голову...

– Боже, какой холод! Ну, заходите же.

– Нет, вы же заняты. Я просто проходил мимо и...

– В таком случае заходите, пока вы всех нас здесь окончательно не заморозили.

Эйбра, стоявшая голыми ногами на холодном полу, взяла его за руку.

– У вас пальцы ледяные. – Она настойчиво потянула его за руку. – Заходите, иначе вы впустите сюда морозный воздух.

У него не оставалось другого выбора, как войти в дом, чтобы Эйбра могла закрыть за ним дверь. Музыка в стиле «нью-эйдж», звучащая в солярии, напоминала журчание воды в реке.

Эли заметил, что одна из женщин в дальнем конце класса приняла следующую позу.

– Извините, – сказал он. – Я вижу, что мешаю вам.

– Все в порядке. Морин сможет прекрасно меня заменить. Да мы уже почти закончили. Почему бы вам не пройти на кухню? Выпьем бокал вина, пока я тут закончу.

– Нет, нет, спасибо. – Теперь он страшно жалел, что поддался импульсивному желанию нанести этот визит. – Я просто... просто вышел на прогулку и на обратном пути решил заглянуть к вам, потому что вспомнил, что не заплатил вам за продукты.

– Эстер обо всем позаботилась.

– О, мне следовало бы догадаться. Я позвоню ей, поблагодарю.

На мгновение его отвлек висевший на стене карандашный рисунок в рамочке. Он узнал бы работу бабушки и без подписи. В нижнем углу значилось имя художника: «Лэндон».

В модели он без труда узнал Эйбру в позе «дерево», прямую и стройную, со смеющимся лицом.

– Эстер подарила мне его в прошлом году, – объяснила Эйбра.

– Что?

– Рисунок. Мне удалось уговорить ее прийти ко мне на урок порисовать. Это был предлог, чтобы привлечь ее к занятиям. И она подарила мне рисунок в благодарность за то, что я сумела пробудить в ней любовь к йоге.

– Прекрасно!

Он только сейчас, когда она сделала шаг назад, осознал, что Эйбра все еще держит его за руку, и был вынужден проследовать за ней.

– Плечи опустить и отвести назад, Ли. Вот так. Расслабь мышцы челюсти, Хизер. Хорошо. Уже лучше. Извините, – сказала она, вновь повернувшись к Эли.

– Ну, что вы, это я должен извиняться. Я же помешал вашей работе.

– Вы уверены, что не хотите выпить вина? Или, может быть, принимая во внимание... – Она потеряла его ледяную от холода руку. – Может быть, горячего шоколада?

– Нет-нет, спасибо. Мне уже пора возвращаться домой. – Чувствуя, что по рукам побежали мурашки, он вдруг понял, что за время своей прогулки продрог до костей. – Наверное... пойдет снег.

– В такой вечер приятнее всего сидеть у камина с хорошей книгой в руках. Ну, что ж. – Она отпустила его руку и открыла дверь. – Увидимся через пару дней. Звоните или заходите, если вам что-нибудь понадобится.

– Спасибо.

Он поспешно вышел, чтобы Эйбра могла поскорее закрыть за ним дверь.

Но вместо этого она осталась стоять на пороге, глядя ему вслед.

Ее сердце – ей часто многие говорили, что оно слишком мягкое, слишком открытое, – переполняло сочувствие.

Как же давно, подумала она, никто, кроме родителей и бабушки, не встречал его радостно на пороге дома.

Она закрыла дверь, прошла в солярий и, кивнув Морин, вновь приступила к упражнениям.

Закончив последнее, Эйбра заметила, что за окном идет тот снег, густой и мягкий, о котором говорил Эли. Ее солярий оказался как будто внутри густой снежной пелены.

Как красиво, подумала она.

– Милые дамы, не забудьте восполнить потерю жидкости. – Она взяла свою бутылку с водой, когда женщины начали сворачивать коврики. – Вы помните, у нас пока еще есть свободные места на завтрашнем занятии, которое мы проводим в унитаристской церкви в девять пятнадцать утра?

– Мне очень нравится этот класс, – сказала Хизер Локаби и провела рукой по своим коротким светлым волосам. – Винни, я могу забрать тебя по дороге, если хочешь.

– На всякий случай позвони перед выездом. Мало ли что? Но мне очень хотелось бы попробовать.

– А он, – Хизер потерла руки, – был тем, кем я думаю?

– Прости, не поняла? – ответила вопросом на вопрос Эйбра.

– Мужчина, который заходил во время занятия. Это был Эли Лэндон?

Упоминание имени Эли вызвало перешептывания в зале, и Эйбра почувствовала, как ее плечи налились тяжестью, словно она и не занималась йогой.

– Да, это был он.

– Я же тебе говорила. – Хизер локтем толкнула Винни. – Предупреждала, что он должен приехать в Блафф-Хаус. А ты что, на самом деле и после его приезда будешь делать там уборку?

– Дому нужна настоящая уборка, только когда в нем кто-то живет. Так, почему – нет?

– Но, Эйбра, неужели ты не боишься? Ведь его же обвиняют в убийстве. В убийстве собственной жены. И...

– Его оправдали, Хизер. Разве ты забыла об этом?

– Факт, что у полиции не было достаточно улик, чтобы арестовать его, вовсе не значит, что он невиновен. Постарайся не оставаться с ним наедине.

– Любовь прессы к грязным сплетням, особенно к тем, где замешаны секс, деньги и старинные семейства из Новой Англии, не сделает из него преступника, как бы этого ни хотелось журналистам. – Морин нахмурила рыжие брови. – Ты что, Хизер, забыла о презумпции невиновности: человек считается невиновным до тех пор, пока его вина не доказана?

– Мне прекрасно известно, что его уволили с работы, а ведь он был адвокатом по уголовным делам. И, если вам небезразлично мое мнение, то мне кажется очень странным, когда человека неожиданно увольняют без всякой на то причины. Кроме того, все говорили, что он был главным подозреваемым. Свидетели слышали, как он угрожал жене в тот день, когда ее убили. В случае развода она получила бы кучу денег. И с какой стати он вдруг очутился в доме жены?

– Когда-то это был их общий дом, – напомнила Эйбра.

– Но он же из него уехал. Что ни говорите, а не бывает дыма без...

– Случается, что дымит костер, зажженный кем-то другим.

– Ты такая доверчивая. – Хизер обняла Эйбру, но объятие ее было не столько дружеским, сколько покровительственным. – Я ведь просто за тебя переживаю.

– Мне кажется, что Эйбра прекрасно разбирается в людях и может сама о себе позаботиться, – заметила Грета Пэрриш, самая старшая участница группы, надевая теплое шерстяное пальто. Ей было уже семьдесят два. – Эстер не позволила бы Эли вернуться в Блафф-Хаус, если бы у нее оставалось хоть малейшее сомнение в его правоте.

– О, к миссис Лэндон я испытываю лишь глубочайшее почтение и сочувствие, – начала Хизер. – Все мы, конечно, надеемся и молимся о том, чтобы она как можно скорее вернулась домой в добром здравии. Но...

– Никаких «но»! – решительно отрезала Грета, нахлобучив на серебряные волосы вязаную шапочку. – Этот парень принадлежит Виски Бич так же, как и все мы. Пусть он какое-то время жил в Бостоне, но он – Лэндон, и он один из нас. Одному богу известно, что ему пришлось пережить. И мне было бы крайне неприятно узнать, что кто-то из здесь присутствующих пытается еще больше осложнить его положение.

– Вы... вы просто неправильно меня поняли. – Хизер в растерянности переводила взгляд с одной женщины на другую. – Честное слово, я не имела в виду ничего дурного. Я просто беспокоюсь за Эйбру. Ведь это же так естественно.

– Не сомневаюсь. – Грета кивнула Хизер. – Правда, у тебя нет никаких оснований для подобного беспокойства. Урок был превосходный, Эйбра.

– Спасибо. Я могла бы подвезти тебя до дома. На улице такой сильный снегопад.

– Думаю, что мне не повредит трехминутная прогулка.

Женщины собрались и кучкой вышли на улицу. Морин задержалась.

– Хизер – дура набитая. К тому же – чересчур мнительная, – сказала она.

– Не она одна. Очень многие думают точно так же. Если на него пало подозрение, значит, он виноват. Но ведь это полная ерунда.

– Конечно, чушь собачья. – Морин О'Малли, у которой брови были такого же огненно-рыжего цвета, как и короткие колючие волосы, сделала еще один глоток из бутылочки с водой. – Проблема в том, могла ли подобная мысль возникнуть даже в самом отдаленном и циничном уголке моей души, если бы я не знала Эли.

– Разве ты его знаешь?

– Он был моим первым серьезным увлечением.

– Подожди-подожди... – Эйбра подняла оба указательных пальца. – Подожди. Эта история требует бутылочки хорошего вина.

– О, я готова хоть сейчас расколоться. Просто дай я pošлю эсэмэску Майку, что задержусь еще на полчаса.

– Ну, конечно. А я пойду, приготовлю обещанное вино.

На кухне Эйбра достала бутылку шираза, а Морин тем временем плюхнулась на стоявший в уютной гостиной диван.

– Он разрешил мне задержаться. Дети пока друг друга не поубивали и вовсю резвятся на улице в снегу. – Она оторвала взгляд от телефона и посмотрела на Эйбру, которая поставила перед ней бокал и села рядом. – Спасибо. Нужно сделать небольшую передышку перед очередным семейным сражением.

– Значит, ты говоришь, он был твоим увлечением?

– Мне было пятнадцать, и это был мой первый поцелуй. Язык, нежные касания, прерывистое дыхание. Я должна тебе сказать, у парня превосходные губы и очень хорошие руки. Первые, должна признаться, которым суждено было коснуться вот этих потрясающих сисек. – Она погладила себя по груди и отхлебнула вина. – Но, конечно, не последние.

– Подробности, подробности!

– Четвертого июля после фейерверка. Мы развели костер на берегу. Там у нас была настоящая веселая компания. Родители мне позволили, а получить такое разрешение было ох как нелегко, уж поверь мне! Правда, теперь моим детям получить его будет еще труднее, так как я многому тогда научилась. Он был такой милый. О боже мой, Эли Лэндон из Бостона проведет здесь целый месяц! Я не могла оторвать от него глаз. Но я была не одна такая.

– И насколько же он был мил?

– М-м-м. Вьющиеся волосы, которые, казалось, с каждым днем становились все более золотистыми. А эти волшебные голубые глаза! Улыбался он так, что можно было на месте грохнуться в обморок. Атлетическое телосложение – Эли играл в баскетбол, насколько я помню. Он постоянно где-нибудь, либо на пляже, либо в культурно-спортивном центре, играл в баскетбол без рубашки. Без рубашки, подчеркиваю. Просто объединение, ммм!

– Он сильно похудел, – заметила Эйбра.

– Я видела фотографии и выпуски новостей. Да, он страшно осунулся. Но тогда, тем летом... Он был красив, юн, счастлив и весел, как греческий бог. Можешь себе представить, как я кокетничала с ним! И, между прочим, совсем не без толку: четвертого июля я получила, так сказать, свои дивиденды. В первый раз он поцеловал меня, когда мы сидели у костра. Представь. Оглушительно играет музыка, кто-то танцует, кто-то плещется в воде. Слово за слово, и мы отправились к пирсу.

Морин вздохнула, вспомнив о прошлом.

– Мы были просто парочкой подростков, в которых теплым летним вечером бурлили гормоны. Конечно, границы мы не перешли, хотя отец, если бы узнал, что мы творили, наверняка разъярился бы. Тот вечер стал кульминацией моих юных лет. Теперь он кажется мне таким милым, невинным и даже романтически нелепым. Океанские волны, лунный свет, музыка, доносящаяся с пляжа, пара разгоряченных полуобнаженных тел, только-только начинающих понимать, для чего они предназначены. Вот так...

– Вот так? Что «вот так»? – Эйбра наклонилась вперед и, сделав жест обеими руками, попыталась поощрить свою собеседницу к большей откровенности. – И что же произошло потом?

– Мы вернулись к костру. Думаю, что мы могли бы перейти границу дозволенного, если бы он не привел меня обратно. Я ведь тогда совершенно ничего не знала об этом. Ну, ты понимаешь меня, Эйбра?

– Ну, конечно, понимаю.

– Но он сумел остановиться и не воспользовался моментом. Вел себя как джентльмен, мы гуляли, а потом проводил меня домой. Я еще несколько раз встречалась с ним до его отъезда в Бостон, и мы баловались поцелуйчиками, но уже ничто не могло сравниться с тем первым вечером. В следующий раз, когда он приехал сюда на каникулы, мы оба были уже не свободны. И больше у нас с ним ничего не было. Он, наверное, даже и не помнит то четвертое июля и рыжеволосую девчушку у пирса.

– Держу пари, что ты себя недооцениваешь.

– Возможно. Если бы мы с ним случайно столкнулись во время его очередного приезда сюда, то, наверное, весело бы поболтали. Вот примерно как с тобой. Как-то раз я и в самом деле натолкнулась на него в супермаркете, когда была на последних месяцах беременности, тогда у меня должен был родиться Лайам. Эли помог мне донести сумки до автомобиля. Он очень хороший и порядочный человек. Я в этом абсолютно уверена.

– Ты была знакома с его женой?

– Нет. Раз или два ее видела, но представлена ей не была. Она была, конечно, красавица, этого у нее не отнимешь. Но все-таки не из тех, кому нравится болтать, стоя у входа в супермаркет. Ходил слух, что она не ладит с Эстер Лэндон. После свадьбы Эли часто приезжал сюда без жены. Либо один, либо с кем-то из других членов семьи. Потом вообще перестал навещать. По крайней мере, мне о его визитах ничего не было известно.

Морин взглянула на часы:

– Мне пора домой. Пора кормить мою буйную ораву.

– Может, тебе заглянуть к нему на огонек?

– Думаю, что на сегодня хватит. Не хочу быть незванным гостем. Вдруг он подумает, что меня терзает нездоровое любопытство?

– Ему нужна дружеская поддержка, но, возможно, ты права. Наверное, следует подождать.

Морин отнесла пустой бокал на кухню и поставила его на стол.

– Я тебя знаю, Эйбра. Ты ему не дашь засидеться в одиночестве.

Она натянула пальто.

– Это в твоём характере – все приводить в порядок, всех исцелять, поцелуем залечивать раны, как говорится. Эстер знала, что делает, когда просила тебя присмотреть за домом и за Эли.

– Значит, я должна оправдать ее доверие. – Эйбра тепло обнялась с Морин, перед тем как открыть заднюю дверь. – Спасибо за рассказ. Не только за историю о подростковом сексе, но и за кое-какие подробности относительно его характера.

– Уверена, тебе мой опыт еще пригодится.

Эйбра подняла руки.

– Не преувеличивай.

– Ну-ну, я только к тому, что при случае не забывай, какие у него потрясающие губы. До завтра.

Эйбра стояла на пороге и смотрела, как ее подруга пробирается между снежными заносами, заходит в заднюю дверь своего дома, закрывает за собой дверь и гасит свет. Только после этого Эйбра вернулась в комнату, развела огонь в камине. Она решила съесть немного супа и серьезно поразмыслить об Эли Лэндоне.

Глава 3

Эли просидел за работой большую часть дня и даже не заметил этого. Будь у него возможность заряжать мозг энергией, он писал бы с раннего утра и до момента, когда у него от усталости перестанут двигаться руки. С точки зрения влияния на здоровье, подобный стиль работы далеко не самый лучший, но зато очень продуктивный.

Снегопад не утихал до середины дня. Клятве, которую Эли дал самому себе (выходить на прогулку по крайней мере раз в день), пришлось изменить: снега насыпало уже на два фута, а он все падал и падал.

Настал момент, когда мысли Эли начали разбредаться и он уже не мог их связно излагать. Тогда он решил продолжить осмотр дома.

Чистенькие комнаты для гостей, идеально ухоженные ванные. К его величайшему изумлению, в бывшей большой гостиной, расположенной в северном крыле верхнего этажа, теперь находился тренажер, гантели, плоский экран массивного монитора. Он побродил по комнате, окидывая хмурым взглядом коврики для йоги, аккуратно свернутые и разложенные на полочках, ровные стопки полотенец, большой стеллаж с DVD.

Пробежав взглядом по стопке с дисками, Эли поразились разнообразию названий. «Силовая йога»... Его бабушка и силовая йога? Неужели это всерьез? «Тай-чи»... «Упражнения по системе «пилатес»... «Культуризм»?

При чем тут бабушка?

Он попытался представить себе Эстер в таком контексте. Ведь у него должно быть богатое воображение, в противном случае он никогда не станет настоящим писателем. Но, как только он делал попытку вообразить усидчивую бабушку, которая обожала часами сидеть и писать акварели, делать карандашные наброски или работать в саду, поднимающей штангу и встающей на мостик, фантазия изменяла ему.

И все же он прекрасно знал, что Эстер Лэндон ничего не делает без причины. Невозможно было отрицать, что обстановка помещения была самым тщательным образом продумана и явилась результатом серьезных деяний.

Возможно, Эстер решила, что ей нужно удобное место для физических упражнений на тот случай, если погода, как, например, сегодня, помешает ей совершить ее прославленную ежедневную прогулку протяженностью в три мили.

Вероятно, она переоборудовала гостиную не сама, а кого-то нанимала.

Да, Эстер Лэндон умела продумать все до мелочей и, начав что-либо делать, всегда доводила начатое до конца.

И все же у Эли в голове не возникал образ бабушки, вставляющей диск с видеозаписью, чтобы заняться культуризмом.

Он продолжал просматривать диски на стеллаже и обнаружил записку:

*Эли, регулярные упражнения приносят пользу и телу, и душе. Поменьше вспоминай о прошлом и побольше потей на тренажере. Я люблю тебя,
Бабушка.
Передано через Эйбру Уолш.*

— О господи! — Он не мог решить, как ему реагировать на послание, посмеяться или развести руками от удивления. И вообще, что его бабушка успела рассказать о нем Эйбре Уолш? Как насчет его права на невмешательство в личную жизнь?

Он сунул руки в карманы и прошел к окну, выходившему на берег.

Море немного успокоилось, но все еще оставалось серым под небом цвета заживающего синяка. Волны бились о покрытый снегом берег, постепенно обкусывая края этой белой

пелены. Белесые холмики дюн вздымались над водой, и стебли травы кое-где еще торчали из них, словно иголки из подушечки. Они качались на ветру, послушные его непреклонной воле.

Снег завалил ступеньки, ведущие на пляж, и толстым слоем лежал на перилах.

На нем не было заметно ни единого человеческого следа, и тем не менее мир за окном не был пуст. Далеко-далеко в серой бесконечности Эли увидел какое-то пятнышко неопределенной формы, которое некоторое время двигалось, но затем исчезло. Он смотрел, как над заснеженным берегом и морем парят чайки. В безмолвии затянувшейся зимы их крики звучали резко и оглушительно.

Он подумал об Эйбре.

Затем оглянулся назад, без особого интереса уставился на тренажер. Ему никогда не нравилось накручивать мили на подобных приспособлениях. Если у него возникала потребность хорошенько поразмяться, он предпочитал побегать с баскетбольным мячом.

– Наверное, здесь нет ни мяча, ни баскетбольных колец, – сказал он, обращаясь к пустому дому. – А снаружи намело два фута снега. Пожалуй, пора расчистить дорожку. Но, с другой стороны, зачем? Я же никуда не собираюсь выходить.

И вот эта последняя мысль уже почти целый год была для него настоящим источником апатии и депрессии.

– Ладно. Ну, уж никакой дурацкой силовой йогой я заниматься не буду. Может быть, все-таки пробежать парочку миль на этой дурацкой машине?

Эли и раньше иногда накручивал на беговой дорожке по две мили пару раз в неделю. Тренажер в гимнастическом зале он рассматривал как последнее прибежище, хотя проводил там довольно много времени.

Он, конечно, может воспользоваться и бабушкиным приспособлением.

И тогда сможет сообщить ей, что нашел записку и выполнил ее рекомендации. И если она хочет с ним пообщаться на какую-то тему, пусть общается. Незачем вовлекать в их личные дела еще и свою подружку по йоге.

Он подошел к тренажеру, преодолевая внутреннее сопротивление, взглянул на плоский экран. Нет, никаких телевизоров, решил Эли. Он перестал смотреть телевизор, когда на экране стало слишком часто мелькать его собственное лицо, сопровождаемое соответствующими комментариями и дискуссиями по поводу того, виновен он или нет, чудовищными пересказами подробностей его личной жизни, не только реальных, но часто и откровенно вымышленных.

В следующий раз, если таковой будет, подумал Эли, заходя на тренажер, он захватит с собой айпод, но теперь попробует обойтись без музыкального сопровождения.

Он ухватился за поручни, оттолкнулся ногами. На экране дисплея появилось имя его бабушки.

– Ух ты! – Не сдержав любопытства, он рассмотрел систему кнопок и вывел на экран всю статистику, относящуюся к Эстер Лэндон.

– Ну-ка посмотрим, бабуля, что у тебя тут?

Последняя запись свидетельствовала о том, что в тот день, когда Эстер упала с лестницы, она преодолела три мили за сорок восемь минут тридцать две секунды.

– Совсем неплохо.

Заинтригованный, Эли начал программировать систему на второго пользователя. Ввел в нее свое имя. И стартовал, поначалу медленно, чтобы дать себе время разогреться. Затем ускорил шаг.

Через четырнадцать минут, преодолев чуть больше мили, весь в поту, с острой болью в легких, он сдался. Ловя ртом воздух, он прошел к холодильнику и выхватил оттуда бутылку с водой. Сделав несколько больших глотков, упал на пол и несколько минут без движения лежал на спине.

– Господи боже мой! Я не могу угнаться даже за старушкой. Боже, как же я жалок! Настоящий слабак!

Он лежал, уставившись на потолок, пытаясь отдышаться и чувствуя отвращение от судорог в ножных мышцах, вызванных непривычной нагрузкой и усталостью.

А ведь когда-то он играл в баскетбольной команде Гарвардского университета, будь он проклят. При росте шесть футов три дюйма¹ он пытался скомпенсировать относительный недостаток в росте скоростью, ловкостью и выносливостью.

Черт, когда-то он был настоящим спортсменом, а теперь стал слабым, медлительным, слишком худым. Настоящий задохлик.

Ему захотелось вернуть свою прежнюю жизнь. Нет, нет, он неточно сформулировал мысль. Даже еще до кошмара с убийством Линдси его жизнь пошла наперекосяк, перестала приносить ему радость.

Эли хотелось вернуть то состояние счастья, что было до этого. Но, черт побери, каким способом?

Сейчас он даже не мог вспомнить, что значит радоваться каждому дню. Но он точно знал, что когда-то был счастлив. У него были друзья, интересы, стремления. Он мог испытывать сильные эмоции.

Теперь же он не мог собрать в себе силы даже для гнева. Гнева из-за того, чего он лишился, из-за того, по поводу чего сдался.

Он принимал антидепрессанты, проходил сеансы психотерапии. Но возвращаться к этому ему не хотелось. У него элементарно не было сил.

Но просто так мешком лежать на полу – это не наш метод. Ему нужно было чем-то заняться, пусть даже чем-то совсем банальным, обыденным. Пошевеливайся, приказал он себе.

Он вскочил на ноги и захромал по направлению к душе.

Стараясь не обращать внимания на внутренний голос, заставлявший лечь и проспать остаток дня, Эли оделся потеплее, надев на плотную рубашку свитер, натянув на голову вязаную шапку, а на руки – перчатки.

Возможно, он никуда и не пойдет, но ведь можно просто расчистить дорожки, проезд и даже террасу.

Он дал слово бабушке заботиться о Блафф-Хаусе, поэтому ему ничего не оставалось, как выполнять свое обещание.

Работа со снегоочистителем и лопатой заняла у него несколько часов. Много раз ему хотелось остановиться, отдохнуть, особенно когда пульс у него начинал зашкаливать, оглушительными ударами отдаваясь в голове, а руки начинали трястись, как у паралитика. Но, несмотря ни на что, он расчистил подъезд к дому, главную дорожку и тропинку от центральной террасы к лесенке, ведущей на пляж.

Эли с облегчением вздохнул, когда наступили сумерки и продолжать работу на других террасах стало невозможно. Войдя в дом, он оставил свой инструмент в прихожей и, как зомби, проследовал на кухню, где переложил два куска хлеба ломтиками мяса и швейцарского сыра и решил считать это обедом.

Он запил еду пивом только потому, что ничего другого в холодильнике не было. Он ел и пил, стоя рядом с кухонной раковиной и глядя в окно.

Кое-что я все-таки сделал, ликовал Эли. Ну, во-первых, удалось подняться с постели, что в последнее время для него составляло немалую сложность. Он много работал над романом и даже пережил унижение на тренажере. И, наконец, взял штурмом подступы к Блафф-Хаусу, освободил дорожки от снега.

В общем, день прошел совсем не плохо.

¹ Приблизительно 183 см.

Эли принял четыре таблетки обезболивающего, после чего потащил свое многострадальное тело на второй этаж, разделся, нырнул в кровать и проспал до рассвета. Абсолютно без сновидений.

Эйбру удивило и порадовало, что подъезд к Блафф-Хаусу расчищен. Она ожидала, что ей придется пробираться по снежной целине в два фута толщиной.

Обычно она ходила от своего домика до Блафф-Хауса пешком, но на сей раз отказалась от рискованных попыток пешим ходом преодолеть поле глубокого снега и тонкого льда и доехала на своем «Шевроле Вольт», который припарковала за «БМВ» Эли.

Собственным ключом она открыла входную дверь и, наклонив голову, прислушалась. Ее приветствовала тишина, и Эйбра решила, что Эли либо еще спит, либо заперся в одной из комнат дома.

Она повесила пальто в стенной шкаф и переобулась.

Потом развела огонь в камине в гостиной, чтобы в доме стало чуть-чуть уютней, и отправилась на кухню сварить кофе.

Эйбра обратила внимание на то, что в раковине нет грязных тарелок, и открыла посудомоечную машину.

И сразу же поняла, что именно он ел с момента приезда. Завтрак, который она сама ему тогда и приготовила, пара суповых тарелок, две мелкие, два стакана, две большие кофейные чашки.

Она недовольно покачала головой.

Так не пойдет.

Чтобы проверить свое подозрение, она осмотрела шкафы и холодильник.

Все скверно, из рук вон плохо.

Она включила кухонный приемник на небольшую громкость и начала собирать продукты, необходимые для приготовления завтрака. Замешав тесто для оладий, она отправилась наверх искать Эли.

Если он все еще спит, то его пора будить.

Услышав из кабинета Эстер постукивание клавиатуры, она улыбнулась. Ну, хоть что-то, по крайней мере. Подкравшись на цыпочках, она заглянула в приоткрытую дверь и увидела, что Эли сидит за роскошным старинным письменным столом с бутылкой «Маунтин дью» (надо купить ему еще несколько бутылок, подумала Эйбра).

Пусть еще поработает, решила она, а сама прошла прямо к нему в спальню. Убрала постель, вытащила мешок для белья из большой корзины, добавила чистых полотенец.

На обратном пути проверила несколько других ванных на тот случай, если он пользовался там полотенцами для рук, и осмотрела гимнастический зал.

Спустившись вниз, занесла мешок в прачечную комнату, рассортировала белье и загрузила его в стиральную машину, после чего убрала инструменты, которые он использовал для уборки снега на улице. Ну, что! Не такой уж и беспорядок, подумала Эйбра. Кроме того, за день до его приезда она проводила в доме генеральную уборку. Понимая, что всегда найдет здесь для себя какую-нибудь работу, Эйбра прикинула, сколько времени у нее может уйти на разные дела, и решила, что, прежде чем закатать рукава и приступить к настоящей уборке, она накормит Эли хорошим завтраком.

В следующий раз, отправляясь наверх, она специально начала шуметь. Когда же она приблизилась к двери кабинета, Эли уже встал и направился к двери. Возможно, с намерением закрыть ее, подумала Эйбра, и поэтому, чтобы опередить его, она вошла.

– Доброе утро. Какой чудесный день!

– Э-э-э...

– Сказочно голубое небо. – С мешком для мусора в руках Эйбра подошла к рабочему столу и вытряхнула в мешок содержимое корзины для бумаг. – Море, снег, сверкающий на солнце. Чайки, парящие над водой. Сегодня утром я видела кита.

– Кита?

– Мне просто посчастливилось. Я выглянула из окна и увидела его далеко на горизонте. Но все равно потрясающе! Ну, вот. – Она повернулась. – Ваш ленч готов.

– Мой что?

– Ленч. Завтракать уже поздно, да вы и не завтракали.

– Я... пил кофе.

– Ну, а теперь поедите.

– Собственно, я... – Эли махнул рукой в сторону ноутбука.

– И вас, конечно, раздражает то, что вам помешали и теперь заставляют пойти поесть. Но, возможно, после еды вам будет лучше работаться. И давно вы уже сегодня сидите за компьютером?

– Я не знаю. – Как это неприятно, подумал он. Бесцеремонное вторжение, вопросы, еда, на которую ему не хотелось тратить время. – Наверное, часов с шести.

– О господи! Конечно, пора сделать перерыв. На сей раз я накрою вам в маленькой гостиной. Оттуда такой замечательный вид. Особенно сегодня. Вы не против, если я уберусь здесь, пока вы будете есть и... в принципе вы не возражаете?

– Нет. Я... Нет. – И после еще одной короткой паузы: – Нет, не против.

– Понятно. Идите, ешьте, а я сделаю все, что запланировала на этом этаже. И когда вы приступите к работе, спущусь на первый этаж и вас больше не потревожу.

Она стояла между ним и его компьютером в выцветшем лиловом свитере с пацифистской эмблемой в центре, в еще более линялых джинсах и ярко-оранжевых сапогах и мило ему улыбалась.

Так как на спор с ней ушло бы много времени, да и особого смысла препираться не было, Эли решил послушаться.

В самом деле, пора перекусить, может быть, закинуть в топку бублик. Он совершенно потерял чувство времени. Ему нравилось проваливаться в работу на несколько часов.

Но, черт возьми, от экономки ведь требуется только убирать в доме, а не выступать в роли няньки.

Конечно, Эли помнил о намечавшемся визите Эйбры, но намеревался прекратить работу перед ее приходом и, захватив бублик, отправиться с ним на прогулку, однако книга заставила его забыть обо всем.

Он повернул налево и вошел в маленькую гостиную с зеркальными стенами.

Эйбра была права. Вид – восхитительный. Потом обязательно надо пройтись, если, конечно, ему удастся пробраться сквозь снежные заносы. Ну, уж по крайней мере, до лестницы, ведущей на пляж, он доберется, сделает несколько снимков на телефон.

Эли уселся за стол. Перед ним стояла чистая тарелка, небольшой кофейник и хрустальный бокал с соком. Эйбра даже взяла один цветок из букета в большой гостиной и поставила его в крошечную вазу рядом с едой.

Это напомнило Эли, как мать, когда он был маленьким и болел, клала на поднос с едой цветок, игрушку или книжку.

Но ведь он сейчас не болен. И не нуждается в уходе. Ему нужно только, чтобы кто-нибудь поддерживал, пока он здесь живет, работает и иногда, если нужно, расчищает снег.

Эли сидел за столом, морщась от боли в шее и плечах. Да, «марафон» по расчистке снега даром не прошел.

Он снял крышку с тарелки.

Благоуханный пар поднимался от оладий с черникой. Тонкий ломтик бекона лежал с краю тарелки, а рядом кусочки дыни, украшенные веточками мяты.

– Ух ты!

Мгновение он молча смотрел на представший его глазам натюрморт, разрываясь между двумя чувствами: еще большим раздражением и смирением перед неизбежным.

Не так уж они и противоречивы, эти два чувства, подумал Эли. Он, конечно, съест то, что ему предложено, так как уже сидит за обеденным столом и страшно голоден, но от этого его нервность никуда не денется.

Эли положил немного масла, дождался, когда оно растаяло, и добавил сиропа. Он почувствовал себя почти английским лордом. Как бы то ни было, еда оказалась божественно вкусной.

Он прекрасно понимал, что вырос в богатой семье, которая могла себе многое позволить, но роскошные ленчи с утренней газетой, лежащей рядом со столовым серебром, были в их доме большой редкостью.

Лэндоны были богаты, потому что много работали и усердно трудились, чтобы сохранить и приумножить свое богатство.

Начав есть, Эли развернул было газету, но потом передумал и отложил ее в сторону. Подобно телевизору, газеты были для него связаны с неприятными воспоминаниями. Его вполне увлекало созерцание вида за окном. Он смотрел на воду и на снег, начинающий таять под набирающими силу солнечными лучами.

Наконец-то у него в душе воцаряется покой.

Он оглянулся, когда в комнату вошла Эйбра.

– Второй этаж свободен, – сообщила она и собралась забрать поднос.

– Я все сделаю сам. Не надо, – запротестовал он. – И вообще, вы не обязаны меня кормить. Вы, конечно, очень вкусно все приготовили, но это ведь не входит в ваши обязанности.

– Я люблю готовить, а возиться для себя одной скучно. – Эйбра проследовала за ним на кухню, откуда направилась в прачечную комнату. – И вы плохо едите.

– Но я все-таки ем, – пробормотал он в ответ.

– Банку консервированного супа, бутерброд, тарелку холодной каши? – Эйбра внесла корзину с бельем, села в углу и начала раскладывать ее содержимое. – От экономки ничего нельзя утаить. По крайней мере, ничего, что касается еды, приема ванны и секса. Я бы сказала, что вам необходимо набрать где-то фунтов пятнадцать веса². Да и двадцать не помешали бы.

В течение нескольких месяцев у него не хватало сил на злость, но вот теперь она, кажется, ухитрилась пробудить в нем полузабытую эмоцию.

– Послушайте...

– Вы, конечно, можете сказать, что это меня не касается, – перебила она, – но все ваши отговорки меня не остановят. Поэтому я буду вам готовить, когда у меня будет время. Я ведь здесь всегда рядом, живу по соседству.

Трудно вести разумный спор с женщиной, которая держала в руках его трусы.

– Вы сами умеете готовить?

– Да. В той мере, в какой мне это нужно.

– Посмотрим. – Она наклонила голову и окинула его пронзительным взглядом зеленых глаз. – Запеченные бутерброды с сыром, яичницу, стейк на гриле, гамбургеры и... что-то еще с лобстерами или моллюсками.

Он называл это блюдо «Моллюски а-ля Эли». Ему начинала надоедать ее игра в телепатию.

– Вы что, и мысли читать умеете не хуже, чем готовить?

² 15—20 фунтов – около 7–9 кг.

– А также умею гадать по руке и на картах Таро, но в основном делаю это для собственного развлечения.

Ее признание несколько не удивило его.

– Как бы то ни было, я приготовлю кассероль – блюдо, которое вы сможете в любой момент разогреть и съесть. Перед тем как вернуться сюда, я зайду в супермаркет. На календаре отмечены те дни, когда буду заходить к вам, чтобы вы всегда знали заранее. Вам что-нибудь купить, кроме «Маунтин дью»?

Ее краткий деловой стиль, казалось, сумел полностью блокировать его мыслительные процессы.

– Больше ничего не приходит в голову.

– Если что-то все-таки придет, просто запишите. Можно спросить вас? О чем ваша книга? Или это секрет?

– Э-э-э... О лишенном лицензии адвокате, пытающемся осмыслить жизненную ситуацию и вернуть любимую работу. Он пытается получить ответ на вопрос: с его жизнью покончено навсегда или ему все-таки удастся все исправить? Вот так.

– И вам нравится ваш герой?

Мгновение Эли пристально смотрел на нее, потому что она задала очень точный вопрос. Тот, от которого ему не захотелось отмахнуться и на который он с удовольствием ответил:

– Мне он очень близок, и я вложил в его образ нечто очень личное. Он постепенно превращается в то, что мне хочется и что мне, в принципе, нравится.

– Понять его, я полагаю, для вас гораздо важнее, чем испытывать к нему расположение. – Она нахмурилась, заметив, что Эли потер плечо и шею сзади. – Вы горбитесь.

– Простите?

– За клавиатурой компьютера. Вы горбитесь. Как и большинство людей.

Эйбра отставила в сторону корзину с бельем, и не успел он обернуться, как она подошла к нему и своими ловкими пальцами сжала его плечо.

Боль, внезапная и, как ни удивительно, приятная, пронзила все его тело до самых пяток.

– Послушайте!.. Что вы делаете?!

– О господи, Эли, у вас там самые настоящие камни.

Его раздражение грозило перейти в мрачную неприязнь. Почему эта женщина никак не оставит его в покое?

– Да ладно, вчера немного перенапрягся. Во время расчистки снега.

Она опустила руки, а он направился к шкафу за обезболивающим.

Конечно, виновато и перенапряжение, и неудобная поза за компьютером, но за всем этим стоит большее: глубокий, сложный, системный стресс.

– Мне нужно немного прогуляться, кое-кому позвонить.

– Отличная идея. На улице холодно, но зато красиво.

– Я не знаю, сколько я вам должен платить. Извините, не спрашивал у бабушки. Не успел.

Когда она назвала сумму, он сунул руку за бумажником. Но карман оказался пуст.

– Где-то оставил бумажник.

– В джинсах. Теперь он лежит на столике рядом с вашей кроватью.

– Хорошо, спасибо. Я сейчас вернусь.

Бедный, печальный, измученный Эли, подумала она. Необходимо помочь ему. Загружая посудомоечную машину, она подумала об Эстер и покачала головой.

– Ты же знала, как я поступлю, – пробормотала она.

Эли вернулся и положил деньги на стойку.

– И еще раз спасибо, на тот случай, если вы уйдете до того, как я вернусь.

– Пожалуйста.

– Прогуляюсь... посмотрю, как выглядит берег, и позвоню родителям, бабушке.

И, черт побери, смогу поскорее избавиться от тебя.

– Отлично. Передавайте им привет.

Он остановился у входа в прачечную комнату.

– Вы что, знаете моих родителей?

– Конечно. Встречалась с ними несколько раз, когда они приезжали сюда. И я видела их, когда сама приезжала в Бостон к Эстер.

– Я не знал, что вы ездили к ней в Бостон.

– Конечно, ездила. Мы так скучали друг по другу. – Эйбра включила машину и обернулась. – Она ваша бабушка, Эли, но она очень многое значила и для меня. Я ее очень люблю. Вам нужно сделать снимок дома с пляжа и отослать его ей. Эстер он очень понравится.

– Да, обязательно.

– И, кстати, Эли, – сказала она, выйдя за корзиной с бельем, – я вернусь около половины шестого.

– Опять?

– Да, и со своим столом. Вам нужно сделать массаж.

– Но я не хочу...

– Он вам необходим, – решительно произнесла Эйбра. – Может быть, сейчас вы этого не чувствуете, но, поверьте, стоит мне только начать, ваше мнение сразу же изменится. Терапевтический массаж, Эли, и совершенно бесплатно. Я дарю его вам, – добавила она. – Кстати, у меня есть соответствующий сертификат.

– О господи.

Она со смехом переместилась в прачечную.

– Ну, что ж, кажется, мы поняли друг друга. В половине шестого!

Эли направился было за ней следом, чтобы объяснить, что ему не требуется помощь профессионального массажиста. Но стоило ему взяться за ручку двери, как тупая боль пронзила оба плеча.

– О черт! Черт!

Ему пришлось сунуть руки в карманы пальто, чтобы боль немного утихла. Мне нужно принять еще одну таблетку, подумал он. И вновь укрыться в самом себе, там, где нет взбалмошной Эйбры и где можно полностью предаться мыслям о книге.

Сейчас он прогуляется по улице, позвонит, подышит свежим воздухом, и, когда этот мучительный спазм в мышцах пройдет, он просто пошлет ей эсэмэску, – да, именно эсэмэску, никаких звонков, – чтобы она больше не приходила.

Но в начале последует ее совету – спустится на берег и сделает снимок Блафф-Хауса. Затем ему, возможно, удастся выудить у бабушки информацию об Эйбре Уолш.

Он ведь все-таки адвокат и должен обладать умением добывать необходимые сведения у свидетелей, уже и без того настроенных в его пользу.

Идя по тропинке через патио, он обернулся и увидел в окне своей спальни Эйбру. Она помахала ему рукой.

В ответ он тоже поднял руку и отвернулся.

У нее было одно из тех поразительных лиц, которые заставляют мужчин оглянуться во второй раз.

Поэтому Эли поднял воротник и решительно зашагал вперед, не оглядываясь.

Глава 4

Прогулка по занесенному снегом пляжу понравилась Эли больше, чем он предполагал. Белесое зимнее солнце отражалось от морских волн и подсвечивало снег. До него уже кто-то ходил здесь, поэтому Эли проследовал по проторенной тропинке к холодной и влажной полоске песка, которую волны уже успели отвоевать от снега. Береговые птицы садились у самого края воды и важно расхаживали или суетливо бегали по пляжу, оставляя крошечные следы, которые пенные волны почти мгновенно смывали.

Птицы кричали, трещали, гоготали, как будто переговариваясь между собой, и заставляли Эли вспомнить о том, что, несмотря на зимний пейзаж, весна уже не за горами. Он наблюдал за одним птичьим трио, которое на глазок определил как стайку крачек, сделал еще пару снимков и послал их домой. Продолжив прогулку, он взглянул на часы, прикинул, чем в такое время могут заниматься его родственники в Бостоне, и набрал домашний номер родителей.

– Ну, и что ты поделываешь? – раздался в трубке знакомый голос.

– Бабушка! – Он не ожидал, что к телефону подойдет именно она. – Я прогуливаюсь по Виски Бич, точнее по берегу. Здесь у нас снег толщиной в два фута. Примерно такой же, как выпадал, когда мне было, кажется, лет двенадцать.

– Да, помню, тогда вы с двоюродными братьями и ребятами Грейди построили снежный замок на пляже. И ты взял мой самый красивый красный кашемировый шарф и повесил его там вместо флага.

– Вот этого я совершенно не помню. То есть того, как вешал флаг.

– Зато я прекрасно помню.

– Как ты себя чувствуешь?

– Потихоньку. Меня раздражают люди, которые не дают мне двух шагов сделать без чертовых ходунков. Я уже вполне могу передвигаться с помощью трости.

Историю о сражениях из-за приспособления для ходьбы он знал из электронных писем матери и потому был готов к тону бабушкиного рассказа.

– Разумнее будет соблюдать осторожность, – заметил он, – и не рисковать без необходимости. Ведь ты можешь упасть еще раз. Но ты ведь у меня очень рассудительная.

– Такие хитрости со мной не сработают, Эли Эндрю Лэндон.

– Неужели ты будешь спорить со мной и утверждать, что тебе не хватает логики, ума и сообразительности?

Эстер рассмеялась, и это уже была его маленькая победа.

– Нет, на этот счет у меня нет сомнений. Голова у меня работает превосходно, слава богу, вот только никак не могу вспомнить, как меня угораздило тогда упасть. Представляешь, даже не помню, как в тот день встала с постели. Но это не имеет значения. Теперь я выздоравливаю и скоро расстанусь с этими чертовыми ходунками. Как у тебя дела?

– Все нормально. Пишу каждый день, книга продвигается очень быстро, что очень повышает мне настроение. Здесь, вообще, очень хорошо. Бабушка, мне хочется еще раз тебя поблагодарить...

– Не надо. – В ее голосе послышалась резкая нотка. – Блафф-Хаус принадлежит тебе в той же мере, как и мне. Это наш семейный дом. Не забудь про дрова в сарае. Если не будет хватать, позвони Дигби Пирсу. Его номер у меня в записной книжке в столе в маленьком кабинете и в самом дальнем ящике буфета справа на кухне. Если не сможешь найти, спроси у Эйбры.

– Хорошо. Никаких проблем.

– Ты там хорошо ешь, Эли? Мне не хотелось бы при нашей следующей встрече увидеть ходячий скелет.

– Только что ел оладьи.

– Неужели ходил в кафе в деревне?

– Нет... их испекла Эйбра. Послушай, я как раз хотел спросить...

– Она славная девушка, – опередила его Эстер. – И действительно отлично готовит. Если у тебя возникнут вопросы или какие-то проблемы, просто обратись к ней. Если она сразу не ответит, то позже обязательно поможет тебе. Она очень разумная девушка и очень красивая, что, я надеюсь, ты уже заметил, если, конечно, не ослеп в дополнение к своему истощению.

Эли почувствовал внезапную ноющую боль в шее.

– Бабушка, ты случайно не хочешь меня женить на ней?

– С какой стати я буду заниматься сводничеством? Ты что, сам о себе не способен позаботиться? И неужели я хоть раз вмешивалась в твою личную жизнь, Эли?

– Беру свои слова обратно, ты совершенно права. Извини. Просто... Ты ведь ее знаешь гораздо лучше, чем я. Не хочу, чтобы она чувствовала себя обязанной ухаживать за мной, как за младенцем, создавать кулинарные шедевры, но мне никак не удается это ей втолковать.

– Ты съел оладьи?

– Да, но...

– Потому что ты чувствовал себя обязанным их съесть?

– Нет, но... Ладно, понял.

– Я могу тебя заверить, что Эйбра делает только то, что ей нравится. Именно это меня в ней и восхищает. Она умеет получать удовольствие от жизни. Тебе следует у нее поучиться.

Намек на его состояние слегка кольнул Эли.

– Ты в самом деле не пытаешься устроить мою личную жизнь?

– Я уверена, что ты прекрасно сам в себе разбираешься и в состоянии удовлетворить свои интеллектуальные, эмоциональные и физиологические потребности.

– Хорошо, давай сменим тему. Или, по крайней мере, перейдем к другой ее стороне. Мне не хотелось бы обидеть твою подругу, особенно когда она стирает мое белье. Но ты ведь знаешь ее лучше. Как самым дипломатичным способом можно убедить ее в том, что я не нуждаюсь ни в каком массаже.

– Она предложила сделать тебе массаж?

– Да, сообщила, что вернется в половине шестого со своим столом. Мои «Спасибо, не надо» не произвели на нее никакого впечатления.

– Тебя ждет сказочное удовольствие. У этой девушки божественные руки. До того, как она начала делать мне еженедельный массаж и убедила заняться йогой, я жила с постоянной тянущей болью в нижней части спины и между лопатками. Старость, решила я и принимала все свои хвори как нечто неизбежное. До появления Эйбры.

Заметив ступеньки, которые вели к деревне, Эли заметил, что зашел значительно дальше, чем предполагал. Те несколько секунд молчания, когда он принимал решение повернуть назад, дали Эстер возможность высказать самое болезненное.

– Ты же настоящий комок нервов, мой мальчик. Даже в твоем голосе это слышно! Твоя жизнь катится под откос, но ты не должен позволить ей окончательно разбиться вдребезги. Это будет неправильно и несправедливо. Жизнь слишком часто бывает жестокой. Но мы продолжаем жить и стремимся сделать ее хоть чуть-чуть более правильной и честной. И ты должен последовать тому пожеланию, которое все сейчас произносят при встрече со мной: выздороветь, набраться сил и встать на ноги. Мне далеко не всегда нравится слышать это пожелание, тем более так часто, но от этого оно не становится менее верным.

– И массаж, который делает твоя соседка – специалистка по выпеканию потрясающе вкусных оладий, – наикратчайший путь к моему телесному и духовному исцелению, так я понимаю?

– Один из путей. Прислушайся к себе, ты же пыхтишь и задыхаешься, как немощный старик.

Оскорбленный и униженный, Эли решительно взял курс на наступление.

– Разговаривая с тобой, я дошел до самой деревни и большую часть дороги пробирался по этому чертову снегу. Сейчас как раз поднимаюсь по ступенькам.

– И такие жалкие оправдания я слышу от бывшей звезды университетского баскетбола?

– Я никогда не был звездой, – пробормотал Эли.

– Для меня ты был ею. И всегда остаешься.

На верхней ступеньке он остановился – да, именно для того, чтобы отдышаться и дожидаться, пока успокоится бешено колотящееся о грудную клетку сердце.

– Ты видел мой новый спортивный зал? – спросила Эстер.

– Да. Замечательно. Сколько же ты будешь мной манипулировать, Эстер?

Бабушка в ответ рассмеялась.

– Ты полагаешь, что ты такой молодой умник и разговариваешь с пожилым человеком. Но я не собираюсь оставаться костлявой и дряхлой старушонкой, спешу тебя заверить. И тебе тоже советую воспользоваться моим залом, Эли.

– Да я уже тренировался. Один раз. Прочитал твою записку. Кстати, я стою напротив «Хижины лобстеров».

– Там подают самые лучшие роллы с лобстерами на всем северном побережье.

– Здесь все осталось по-старому.

– Кое-что изменилось, конечно, но ведь главное – сохранить традиции. Я надеюсь, что ты не откажешься от своих принципов и не забудешь, что ты Лэндон и что в твоих жилах течет кровь Хоукинов, которая передалась тебе от меня. Никто не может нас сломить. Позаботься о Блафф-Хаусе ради меня.

– Конечно, будь спокойна.

– И еще кое-что запомни. Иногда олады – это всего лишь еда.

Эли не удержался и рассмеялся. Возможно, его звуки были не слишком жизнерадостными, но это был смех.

– Буду иметь в виду, бабушка. Не забывай пользоваться ходунками.

– Я, конечно, буду таскать эту проклятую штуку, но при одном условии: если ты согласишься на сеанс массажа, который тебе предлагают.

– Ладно. Просмотри свою почту, в ней есть несколько фотографий. Перезвоню тебе через пару дней.

Эли прошел мимо нескольких мест, которые хорошо помнил с юных лет: кафе-мороженое, пizzeria «У Марии» и совсем новый участок пляжа для любителей серфинга. Он окинул взглядом белый шпиль методистской церкви, простую, ничем не примечательную коробку унитаристской церкви, величественное здание отеля «Северный Берег» и множество очаровательных недорогих мини-гостиниц, обещающих «ночлег и завтрак», разбросанных здесь повсюду и предлагающих свои услуги туристам, приезжающим сюда в течение сезона.

Несколько машин с трудом пробирались по заснеженному шоссе, а к тому времени, когда Эли повернул назад к дому, дороги были уже практически пусты.

Возможно, в следующий погожий полдень ему следует пойти в деревню, купить несколько открыток, написать в них что-то такое, что заставит родителей и нескольких еще оставшихся у него друзей улыбнуться.

Да, обязательно надо это сделать.

И непременно надо пройти по магазинам, старым и новым, по-настоящему ощутить здешнюю атмосферу.

Вспомнить о традициях, так сказать, припасть к корням.

Но в данный момент он страшно устал, замерз, и ему очень хотелось вернуться домой.

На дорожке, ведущей к дому, его машина стояла в полном одиночестве, и от этого он почувствовал некоторое облегчение. Он дал Эйбре достаточно времени закончить уборку. Ему не придется вести вымученный разговор или, наоборот, пытаться от него ускользнуть. Взгля-

нув на свои ботинки, он решил войти с черного хода и через прачечную комнату и кладовую попасть к себе, в свой кабинет.

Снимая куртку, Эли подумал, что боль в плече, кажется, прошла. Или почти прошла. Он сейчас же пошлет Эйбре эсэмэску, сообщит, что прогулка вылечила его.

Но тут Эли вспомнил о «делке», заключенной с бабушкой. Он, конечно, сдержит данное ей слово, но не сразу, а через несколько дней. Кроме того, решил он, у него в распоряжении имеется еще пара часов, в течение которых можно хорошенько обдумать план действий. Он же адвокат – практикующий или нет, это не имеет принципиального значения – и писатель. Он обязан ясно и рационально излагать свои мысли.

Эли вошел на кухню и тут же обратил внимание на записку, приклеенную к стойке.

Кассероль с курицей и картошкой в холодильнике.

Котел в порядке.

*Съешьте яблоко, не забудьте восполнить недостаток воды в организме после прогулки. Увидимся в 17:30,
Эйбра.*

– А кто вы, собственно, такая? Моя мать, что ли? Может быть, я не хочу яблока.

Эли все-таки вынул из холодильника бутылку воды, но лишь по одной причине – ему жутко хотелось пить. Он не желал, чтобы кто-то постоянно твердил ему, когда нужно есть и когда пить. Следующим этапом будут напоминания о необходимости почистить зубы и вымыть уши.

Сейчас он поднимется наверх, вначале займется кое-какими научными изысканиями, а затем пошлет ей эсэмэску.

Он направился было наверх, но вернулся, чертыхаясь, схватил яблоко из бамбуковой чашки, естественно, только потому, что ему вдруг страшно захотелось его съесть.

Эли, конечно, понимал, что его раздражение совершенно иррационально. Эйбра добра к нему и заботлива. Но какой бы прекрасной она ни была, ему хотелось одного – чтобы его оставили в покое. Ему нужно время и пространство, чтобы вновь самому обрести твердую почву под ногами, и он не нуждается ни в чьей помощи.

Таких помощников у него хватало в прошлом, потом их становилось все меньше и меньше по мере того, как друзья, коллеги и соседи начали дистанцироваться от человека, подозреваемого в убийстве собственной жены. Якобы в том, что он проломил ей череп из-за того, что она ему изменила. Или из-за того, что развод обойдется ему в слишком большую сумму. Или из-за того и другого одновременно.

Ему были больше не нужны подобные помощники.

Сняв обувь, в одних носках, все еще ощущая холод от прогулки, он проследовал в спальню за домашними туфлями.

И застыл на месте, взглянув на свою кровать. Он чуть было не подавился яблоком. Подойдя поближе и рассмотрев ее пристальнее, Эли с трудом сумел подавить смех. Во второй раз за день – для него это был своеобразный рекорд.

Эйбра сложила полотенце в форме фигурки странной птицы, примостившейся на одеяле. На птице были солнечные очки и маленький цветок в клюве.

Глупо, подумал Эли, но в то же время мило.

Он присел на краешек кровати и кивнул птице.

– Наверное, мне все-таки придется согласиться на массаж.

Так и не тронув «птицу», он прошел в кабинет.

Ему нужно найти кое-какую информацию, может быть, немного повозиться со следующей сценой романа.

Но по привычке он начал с того, что проверил почту. Среди массы спама, посланий от отца и еще одного электронного письма от бабушки с благодарностью за фотографии, которые он ей отослал, Эли обнаружил письмо от своего адвоката.

Ох, лучше не открывать его, подумал он. Лучше не нажимать клавишу. Но тогда оно постоянно будет висеть там и ждать, ждать...

Плечевые мышцы сжались в тугие узлы. Эли весь напрягся и открыл письмо. Он пропустил всю юридическую заумь, разного рода заверения, даже вопросы о дальнейших подходах к ведению дела и сосредоточился на омерзительной сути послания.

Родители Линдси вновь устроили шумиху по поводу своего намерения начать против него дело о насильственном причинении увечий, повлекших смерть их дочери.

Это никогда не кончится, подумал он. Никогда... До тех пор, пока полиция не схватит настоящего убийцу Линдси, он, Эли Лэндон, будет главным подозреваемым.

Родители Линдси презирали его и были абсолютно уверены в том, что именно он убил их единственную дочь. Если они продолжат начатое дело – и чем дольше он будет оставаться главным подозреваемым, тем более вероятно, что они именно так и поступят, – всю грязь снова вытащат на поверхность, и вновь закрутится медийная мельница, раздувая все до чудовищных и устрашающих размеров. И вся эта мерзость изольется не только на него самого, но и на его семью.

Снова.

Попытки убедить себя, что теперь у иска нет никаких шансов, что тот надолго застрянет в суде, не помогали. Родители Линдси будут давить на бывшего зятя до конца, подгоняемые уверенностью в том, что они пытаются добиться справедливости и наказать реального виновника гибели их дочери.

Эли подумал о новой волне шумихи вокруг его имени, телевизионных комментаторах, которые снова начнут рассуждать, анализировать, делать выводы. Частные детективы, которых наймут Пьемонты – и, скорее всего, уже наняли, – приедут сюда, в Виски Бич, и привезут с собой свои рассуждения, сомнения и выводы, отравив ими то единственное спокойное место на земле, что у него все еще оставалось.

Эли задался вопросом: не имеет ли отношения к их решению детектив Бостонского управления полиции Вулф? В самые тяжелые дни Вулф представлялся Эли своего рода Жавером³, упорно, с какой-то безумной одержимостью преследующим его за преступление, которое он не совершал. В более светлые дни Эли считал Вулфа просто упрямым и тупоголовым полицейским, который не способен смириться с тем, что отсутствие улик может означать невиновность.

Вулфу никак не удавалось собрать достаточно доказательств вины Эли, чтобы заставить прокурора начать судебное разбирательство. Но это не остановило его, и он упорно продолжил балансировать на грани того, что на юридическом языке называется «преднамеренным причинением беспокойства», пока начальство не сделало ему серьезное предупреждение.

И он вроде бы отступился. По крайней мере, официально...

Нет, конечно, с Вулфа такое вполне станется, он способен на то, чтобы поощрять и даже подстрекать Пьемонтов в их усилиях разрушить жизнь Эли Лэндона.

Поставив локти на стол, Эли закрыл лицо руками. Он знал, что нечто подобное должно было произойти, что спокойно жить ему не дадут. Ну, что ж, возможно, в каком-то жутком смысле так будет даже лучше.

Следуя просьбе Нила, высказанной им в последней строке послания: «Нужно поговорить», – Эли взял телефон.

Голова раскалывалась, пульсирующие удары изнутри грозили пробить череп насквозь.

³ Жавер – инспектор полиции, герой романа «Отверженные» В. Гюго.

Заверения адвоката не помогли Эли успокоиться. Пьемонты заявили, что усилят давление на Эли и заинтересуют СМИ какой-то новой информацией. На горизонте маячила крайне сомнительная идея примирения сторон.

Все это не внушало никакого оптимизма.

Предложение пока не высываться, не обсуждать ход расследования и снова нанять своего собственного частного детектива вряд ли было полезным. Эли уже и без чьих-либо рекомендаций сам принял решение не высываться. Если он начнет прятаться еще больше, то кончит, несомненно, тем, что его засадят в психушку. И с кем он, черт возьми, будет обсуждать ход расследования? Идея снова начать выбрасывать деньги на частных детективов, которые и в первый-то раз не принесли ничего обнадеживающего, загнала Эли в тупик.

Он прекрасно понимал, так же, как и его адвокат, так же, как, впрочем, и сотрудники полиции, что чем больше пройдет времени, тем меньше у них шансов найти сколько-нибудь серьезные улики против кого бы то ни было, включая его самого.

И каким же будет эндшпиль?

Наверно, Эли, вдовец поневоле, так навсегда и останется в этом жутком состоянии, в преддверии ада, не осужденным, но и не оправданным. Преследуемым тенью страшного подозрения до последней минуты жизни.

Значит, ему придется научиться с этим жить.

Ему вообще пора учиться жить заново.

Эли услышал стук в дверь, но в первое мгновение не обратил на него никакого внимания и даже не смог вспомнить, кто это мог стучать, пока дверь не открылась. Он увидел, как Эйбра с трудом заносит в комнату огромный, раздувшийся от вещей чемодан.

– Привет! Не обращайтесь на меня внимания. Я сама все занесу. Никаких проблем.

Она и в самом деле сама почти все втащила, когда Эли все-таки подошел к ней.

– Извините. Я собирался вам позвонить и сказать, что вы выбрали не очень удачное время.

Эйбра плечом закрыла дверь и издала громкий возглас разочарования.

– Слишком поздно, – начала она, но, когда ее веселый и лукавый взгляд остановился у него на лице, улыбка мгновенно угасла. – Что случилось? Что-то плохое?

– Нет, ничего страшного. – Не хуже, чем все то, что происходит в последнее время, подумал Эли. – Просто сейчас не очень удачный момент.

– У вас с кем-то еще назначена встреча? Вы что, отправляетесь на танцы? Или вас там, наверху, дожидается обнаженная женщина, жаждущая заняться с вами сексом? Нет? Нет, – ответила она за него. – Значит, время вполне удачное.

Его обычная подавленность мгновенно превратилась в раздражение.

– А как вы отнесетесь к тому, что я просто скажу «нет»?

Эйбра громко выдохнула.

– Превосходный аргумент. Думаете, я не понимаю, что веду себя излишне назойливо, даже нахально? Считайте, я поступаю так не из альтруизма, а потому, что обещала Эстер помочь вам. Кроме того, я не выношу страдания в людях и вообще в ком бы то ни было. Давайте заключим с вами соглашение.

Черт возьми, она говорит почти так же, как бабушка.

– И каковы же условия?

– Дайте мне пятнадцать минут. Если через пятнадцать минут после моего массажа вы не почувствуете себя лучше, я упаковываю вещички, ухожу и больше никогда не заговариваю на эту тему.

– Десять минут.

– Хорошо, десять, – согласилась она. – Где вы хотите, чтобы я разместилась? В вашей спальне, к примеру, довольно много места.

– А чем здесь плохо?

Эли сделал жест рукой в сторону свободного пространства. Отсюда ее будет легче выставить.

– Хорошо. Почему бы вам не разжечь камин, пока я готовлюсь? В комнате должно быть тепло.

Некоторое время назад он и сам собирался зажечь камин. Но потом обо всем забыл, в том числе и о вторжении Эйбры. Конечно, он разведет огонь, подарит ей обещанные десять минут в обмен на то, что она, черт побери, потом оставит его в покое.

Однако необходимость подчиняться даже незначительным указаниям этой женщины очень злила его. Он присел на корточки у камина.

– Вам не страшно оставаться здесь? – вдруг спросил он. – Наедине со мной?

Эйбра расстегнула «молнию» на чехле, в который был уложен ее переносной стол.

– Чего мне бояться?

– Многие думают, что я убил свою жену.

– Многие думают, что глобальное потепление – мистификация. Я не разделяю их точку зрения.

– Вы не знаете меня или как я могу поступить в тех или иных обстоятельствах.

Она установила стол, аккуратно сложила чехол. Ее движения были удивительно точными, размеренными и неторопливыми.

– Я, конечно, не могу предвидеть, как вы можете поступить в тех или иных обстоятельствах, но прекрасно знаю, что вы не убивали своей жены.

Спокойный тон ее голоса выводил его из себя.

– Почему вы так уверены? Потому что моя бабушка не верит, что я убийца?

– Это, несомненно, одна из причин. – Эйбра разложила на столе подстилку из овчины и накрыла ее простыней. – Эстер – разумная и ответственная женщина. Она очень хорошо относится ко мне. Если бы у нее были даже малейшие сомнения относительно вас, она бы нашла способ предупредить меня. Но это всего лишь одна из причин. У меня есть и другие.

Она расставила в разных концах комнаты несколько ароматических свечей и зажгла их.

– Я работаю на вашу бабушку, и у меня с ней очень тесные дружеские отношения. Я живу в Виски Бич, на старинной территории Лэндонов. Поэтому я очень внимательно следила за развитием вашей истории.

Темная туча депрессии вновь накрыла мысли и чувства Эли.

– Не сомневаюсь, что все здесь только этим и занимались, – буркнул он.

– Что вполне естественно. Любопытство – типичная человеческая черта. Точно так же, как неприязнь и отвращение. И то, что люди говорят о вас, обсуждают вас, вполне естественно. И я тоже пришла к собственным выводам относительно вас. Я видела вас по телевизору, в газетах, читала ваше интервью в Интернете. Видела, как вы потрясены, подавлены. Но в вас не было признаков вины. И что же я вижу сейчас? Стресс, взвинченность, подавленность. Но только не вину.

Эйбра сняла с запястья ленту и подвязала ею волосы.

– Я не верю тем, кто считает, что настоящие преступники плохо спят. Еще одна причина – я ведь сказала, что их у меня несколько, – состоит в том, что вы не дурак. Только полный идиот стал бы убивать собственную жену в тот же день, когда поругался с ней на людях. И сразу после того, как узнали, что у вас против нее имеются сведения, которые вы сможете использовать в свою пользу в бракоразводном процессе.

– Речь ведь не шла о предумышленном убийстве. Меня в нем никто и не обвинял. Считается, что якобы я действовал под влиянием ревности и озлобления. Преступление, совершенное в состоянии аффекта.

– Абсолютная ерунда, – ответила Эйбра, вынимая бутылочку масла для массажа. – Вы что, были преисполнены ненависти, когда пришли к себе домой, чтобы забрать три вещи, которые можно считать вашей собственностью? Дело против вас, Эли, развалилось потому, что оно зиждилось на весьма хлипких основаниях. У них имеются точные сведения о времени вашего прихода в дом, так как вы выключили охранную сигнализацию, и время вашего звонка на номер девять-один-один. Кроме того, есть свидетели, запомнившие, когда вы в тот вечер ушли из офиса. Так что абсолютно точно известно, что в доме вы пробыли меньше двадцати минут. Но за такой малый промежуток времени вы успели пройти наверх, открыть сейф, взять кольцо вашей прабабушки, спуститься вниз, снять со стены когда-то приобретенную вами картину, завернуть ее в банные полотенца, убить свою жену в припадке ярости и позвонить в полицию. Разве так бывает?

– В полиции доказали, что теоретически такое вполне возможно.

– Возможно, но невероятно, – возразила Эйбра. – Итак, мы можем и дальше стоять здесь и обсуждать ваше дело. Или вы все-таки поверите мне на слово, что я не боюсь того, что вы можете меня убить, если вам не понравится, как я складываю ваши носки.

– Все совсем не так просто, как вы пытаетесь представить.

– Хватит разговоров. Раздевайтесь и ложитесь на стол. Вначале на спину.

Пройдя в туалетную комнату, чтобы вымыть руки, Эйбра закрыла глаза и сделала дыхательное упражнение из комплекса йоги. Она прекрасно понимала, что Эли нагрубил ей, чтобы разозлить и заставить уйти. Но единственное, чего он достиг, было ее легкое раздражение.

Чтобы с помощью массажа избавить другого человека от стресса, мрачных мыслей, депрессии, она прежде должна сама избавиться от собственных неприятных переживаний. Моя руки, Эйбра попыталась очистить сознание от темных следов только что закончившегося разговора.

Войдя в комнату, она обнаружила его лежащим на столе под простыней в скрюченной напряженной позе. Неужели он не понимает, что даже его протест является для нее еще одним доказательством его невиновности?

Эли заключил с ней сделку, и, хотя он страшно зол, она выполнит все условия.

Без единого слова она приглушила свет и прошла, чтобы включить на своем айпode приятную успокаивающую музыку.

– Закройте глаза, – прошептала Эйбра, – и сделайте глубокий вдох. Вдох... выдох. Еще раз, – говорила она, наливая масло на руки. – И еще раз.

Он подчинился, и она положила руки ему на плечи. Его плечи даже не касаются стола, отметила она для себя. Напряжен до крайней степени.

Она поглаживала, надавливала, растирала, затем провела руками по шее, после чего начала легкий массаж лица.

По лицу человека она могла понять, что его мучает головная боль. Если ей удастся расслабить лицевые мышцы, тогда он, возможно, полностью успокоится и отпустит себя прежде, чем она перейдет к самому сложному этапу своей работы.

Конечно, это был не первый массаж в жизни Эли. До того, как его жизнь рухнула в тартарары, он посещал массажистку по имени Катрина, крепко сложенную мускулистую блондинку, сильные широкие руки которой умели снимать напряжение, накопленное за время, проведенное на работе и в ходе занятий спортом.

Закрыв глаза, Эли представлял, что он снова в уютной массажной комнате своего клуба и его мышцы постепенно расслабляются после дня, проведенного в зале суда, или двух часов – за бумагами в кабинете.

Кроме того, пройдет всего несколько минут, и он сможет воспользоваться условиями заключенной сделки – женщина, которой, конечно, далеко до крепкой Катрины, уйдет.

Ее пальцы поглаживали ему челюсть и надавливали под глазами.

И жуткая головная боль постепенно утихла.

– Подышите еще. Долгий глубокий вдох, долгий выдох. – В ее голосе зазвучала музыка, приятная и нежная. – Вот и прекрасно. Просто вдох и выдох.

Она повернула ему голову, помассировала одну сторону шеи, потом другую, затем подняла голову.

И тут под твердым уверенным нажатием ее пальцев Эли ощутил резкую, пронизывающую боль. Но прежде, чем он успел по своему обыкновению сжаться, боль прошла, вылетела из его тела, словно пробка из бутылки.

Как будто ломаешь асфальт, подумала Эйбра, по дюйму зараз. Поэтому она закрыла глаза и представила, как под ее руками размягчается «асфальт» его тела, как он крошится под ее пальцами. Затем перешла к плечам, постепенно увеличивая давление.

Эйбра сразу же ощутила, как он доверился ей. Правда, совсем немного, не так, как ей хотелось бы, но даже небольшая уступка с его стороны показалась ей настоящей победой.

Теперь она приступила к массажу руки, от усталых мышц до самых кончиков пальцев. Где-то в глубине души она с мрачным удовлетворением улыбнулась, когда оговоренные десять минут пролетели незамеченными. Теперь она может полностью сосредоточиться на своей работе.

Немного позже, подняв подголовник, Эйбра поняла, что Эли уже не возражает против продолжения сеанса.

– Теперь я хочу, чтобы вы повернулись на живот, немного сдвинулись лицом вниз на подголовник. Скажите, если вам потребуется его подправить. Не торопитесь.

Массаж почти усыпил Эли, и потому он перестал сопротивляться и выполнил все ее указания.

Когда она костяшками пальцев надавила на его лопатки, он чуть не застонал от удивительного сочетания боли и облегчения.

Очень сильные руки, подумал Эли. Кто бы мог подумать, что в таком хрупком теле скрывается такая сила?! Однако по мере того, как Эйбра нажимала на его тело, растирала и массировала его, а ее кулаки давили его спину, те боли, к которым он уже успел привыкнуть, поднимались на поверхность и испарялись.

Она пользовалась смазанными маслом руками, весом собственного тела, костяшками пальцев, пальцами, кулаками. И всякий раз, когда давление становилось почти невыносимым, что-то в теле освобождалось, что-то плохое и тяжелое уходило из него.

Затем она перешла к поглаживаниям, уверенным, ритмичным, непрерывным.

В этот момент Эли отключился.

Когда он вновь пришел в себя и вернулся в реальный мир, словно листок, который помимо его воли несет течение реки, то не сразу понял, что лежит не в постели. Он продолжал лежать на мягком переносном столе, стыдливо прикрытый простыней. В камине горел огонь, в разных углах комнаты мерцали свечи. Тихо продолжала звучать ненавязчивая музыка.

Ему стоило большого усилия снова не закрыть глаза и не заснуть.

И тут он вспомнил.

Он приподнялся на локтях и огляделся. Ему бросились в глаза пальто, обувь и сумка Эйбры. Он почувствовал ее запах, тонкое земное благоухание, смешанное с запахом свечного воска и масла. Осторожно завернувшись в простыню, Эли сел.

В первую очередь нужно надеть штаны.

Придерживая простыню, он соскользнул со стола. Потянувшись за джинсами, заметил очередную чертову записку.

Выпейте воды. Я на кухне.

Оглядываясь по сторонам, Эли натянул джинсы и только потом взял бутылку с водой, которую она оставила рядом с ними. Надевая рубашку, он, к своему изумлению, обнаружил, что у него ничего не болит. Никакой головной боли, никакого мучительного сжатия в задней части шеи, никаких приступов резкой боли в спине, которые преследовали его после любых попыток физических упражнений.

Он стоял и пил воду посреди комнаты, освещенной мягким светом свечей и камина и наполненной нежной музыкой, и вдруг осознал, что испытывает почти забытое ощущение покоя.

Ему было очень, очень хорошо.

И при этом он чувствовал себя едва ли не идиотом. Ведь он намеренно пытался уязвить ее. И ответом на его оскорбления с ее стороны было просто желание помочь ему, несмотря на все его противодействие.

С тяжелым чувством вины он отправился через весь дом на кухню.

Она стояла у плиты, и все помещение было пропитано восхитительными ароматами еды. Эли не знал, что она помешивает на плите, но ощутил еще одно редкое в последнее время чувство.

Настоящий голод.

Здесь, на кухне, звучал тяжелый рок. Но звучал он очень тихо. К Эли сразу вернулось чувство вины. Хороший тяжелый рок нельзя слушать тихо.

– Эйбра!

На сей раз она вздрогнула, что его немного успокоило. В конце концов, она всего лишь человек.

Повернувшись, Эйбра прищурилась и подняла палец прежде, чем он успел заговорить. Сделав шаг по направлению к нему, она внимательно оглядела его. Затем улыбнулась:

– Отлично. Вы выглядите значительно лучше. Отдохнувшим и менее напряженным.

– Я и чувствую себя превосходно. Но прежде всего я хотел бы извиниться. Я был груб с вами и вел себя, как вздорный мальчишка.

– Скорее, как упрямый.

– Возможно. Согласен, как упрямый.

– Ну, что ж, будем считать, что все осталось в прошлом. – Эйбра взяла бокал вина и подняла его. – Я сама открыла бутылку, надеюсь, вы не против.

– Нет, конечно. Во-вторых, большое вам спасибо. Я сказал, что чувствую себя превосходно, но я не пояснил, что уже не помню, когда в последний раз мне было так хорошо.

Выражение лица Эйбры смягчилось. Жалость могла бы заставить его вновь закрыться, но сочувствие вызвало принципиально иную реакцию.

– Да, Эли, жизнь на самом деле может быть чудесной. Допейте воду, чтобы восполнить недостаток жидкости и чтобы очистить организм от токсинов. Завтра, скорее всего, у вас будут болеть мышцы. Я, что называется, довольно глубоко копнула. Хотите бокал вина?

– Да, с удовольствием.

– Ну, тогда сядьте. Постарайтесь насладиться свободой. Вам придется дважды в неделю проходить сеансы массажа, пока мы не справимся с вашим стрессом по-настоящему. Потом можно будет ограничиться еженедельным сеансом или даже одним разом в две недели, если каждую неделю будет слишком часто для вас.

– Мне тяжело с вами спорить, потому что сейчас я нахожусь почти в трансе.

– Ну, и прекрасно. Я напишу время своих визитов у вас на календаре, чтобы вы знали, когда я буду приходить к вам. Посмотрим, как у нас пойдет.

Эли сел, сделал глоток вина. Вкус оказался божественным.

– Кто вы такая?

– О, это очень долгая история. Когда-нибудь я вам обязательно расскажу, если мы, конечно, подружимся.

– Вы стирали мое нижнее белье и делали мне голому массаж и все-таки полагаете, что мы еще недостаточно подружились?

– Это всего лишь моя работа.

– Вы готовите еду для меня. – Он кивком указал на плиту. – Кстати, что это там?

– Где?

– На плите.

– На плите очень хороший и очень питательный суп: овощи, бобовые, ветчина. Не слишком острый, я ведь пока не знаю вашего вкуса. А вот это... – Она повернулась, открыла духовку. Оттуда дохнуло приятным насыщенным ароматом, отчего у Эли чуть не потекли слюнки. – Мясной пирог.

– Вы приготовили мясной пирог?

– С картошкой, морковью и зелеными бобами. Очень мужская еда. Вас не было два часа. Должна же я была как-то развлекаться.

– Два... два часа?

Она рассеянно махнула на часы, расставляя тарелки на столе.

– Вы меня пригласите к обеду?

– Да, конечно. – Эли уставился на часы, затем снова перевел взгляд на Эйбру. – Вы же приготовили мне мясной пирог.

– Эстер составила для меня список. Мясной пирог был в первой тройке ваших предпочтений. Кроме того, мне показалось, что немного мяса вам в вашем состоянии не помешает. – Она начала выкладывать еду на тарелки. – И вот еще что. Заранее хочу предупредить вас, что не допущу никакого кетчупа.

– Слушаю и повинуюсь.

– И еще одно условие. – Она застыла с тарелкой на определенном расстоянии от стола.

– Если оно не является нарушением закона, то могу вам гарантировать, что приму его в обмен на мясной пирог.

– Нам разрешается беседовать о книгах, фильмах, искусстве, моде, увлечениях и о каких угодно абстрактных вещах. Но ничего личного. По крайней мере, не сегодня вечером.

– Договорились.

– Ну, тогда приступим.

Глава 5

В церковном подвале медленно подходил к концу последний этап проводимого Эйброй занятия – релаксация. На сегодняшнем занятии у нее присутствовало двенадцать учеников – почти рекорд для сезона и времени дня.

Такое число учеников повышало ее самооценку и приносило неплохой доход.

Разговор завязался, когда ее ученицы-женщины и двое мужчин встали на ноги и начали скатывать коврики свои или те, которые она держала в запасе для тех рассеянных.

– У вас сегодня все прекрасно получалось, Генри.

Шестидесятишестилетний ветеринар на пенсии гордо улыбнулся ей в ответ:

– Очень скоро я буду держать эту лунную позу дольше трех секунд.

– Главное для вас – сохранять правильный ритм дыхания.

Эйбра вспомнила, как жена Генри в первый раз притащила его на занятия, негодующего и сопротивляющегося изо всех сил. Тогда пенсионер, как ни старался, не мог достать руками до пальцев ног.

– Не забудьте! – крикнула Эйбра ему на прощание. – В четверг очередной выпуск кулинарного сериала «Восток встречается с Западом».

Эйбра скатывала свой собственный коврик, когда к ней подошла Морин.

– Мне это понадобится. И серьезное упражнение, наверное. Я испекла пирожные для вечеринки группы Лайама. И уже съела два из них.

– И что это за пирожные?

– Двойной шоколад и сливочный крем, желе и кокосовая стружка.

– А где мое?

Морин рассмеялась и похлопала себя по животу:

– Вот здесь. Я его уже съела. Мне нужно вернуться домой, быстренько принять душ, переодеться и принести пирожные. Может быть, мне удастся уговорить тебя совершить со мной небольшую пробежку, чтобы сжечь этот самый двойной шоколад. У детей игровое мероприятие после школы, а мне нужно заняться кое-какой работой с бумагами. В общем, ни малейшей возможности подвигаться.

– Давай чуть позже, после трех. Сегодня еще у меня масса работы.

– В доме Эли?

– Нет, он у меня в расписании на завтра.

– Там все в порядке?

– Прошла только пара недель, но, в общем, все в норме. Встречаясь со мной, он больше не смотрит на меня каждый раз так, как будто хочет спросить: «Что, черт возьми, она здесь делает?» Теперь такое происходит примерно через раз. Когда я прихожу к нему днем, он обычно сидит взаперти в своем кабинете и пишет, а когда я поднимаюсь наверх, чтобы там прибраться, он убегает из дому на прогулку. Но он ест все то, что я ему оставляю, и уже не выглядит таким истощенным, как раньше.

Эйбра закинула свой собственный коврик в сумку.

– И тем не менее, когда я делаю ему массаж, – а я уже провела четыре сеанса, – то каждый раз как будто начинаю заново. Его мышцы до предела забиты, но он мужественно высиживает за компьютером по несколько часов в день.

– Ты расколешь и этот орешек, Эйбра. Я абсолютно уверена.

– Сейчас это для меня главная задача. – Эйбра натянула на себя толстовку с капюшоном и застегнула «молнию». – Но в данный момент мне нужно отнести новые украшения в магазин «Потаенные сокровища», поэтому пожелай мне ни пуха ни пера, а потом я должна выполнить кое-какие поручения Марсии Фрост. У ее мальчика никак не проходит грипп, и она не может

надолго отлучаться из дома. На два часа у меня назначен массаж, а вот сразу после этого я могла бы с тобой пробежаться.

– Если я смогу выбраться, я тебе пришлю эсэмэску.

– Ну, что ж, тогда до скорого.

Пока участники занятия тянулись к выходу, Эйбра упаковала коврики и сунула в сумку айпод. Когда она натягивала на толстовку куртку, по лестнице спустился и шагнул к ней какой-то человек.

Он был ей явно не знаком, но Эйбра сразу решила, что у него приятное, располагающее лицо. Мешки под глазами, из-за которых он выглядел усталым, густая грива каштановых волос, небольшой животик, который не портил бы так внешность незнакомца, если бы тот не сутулился.

– Я чем-то могу быть вам полезна?

– Надеюсь, что сможете. Вы Эйбра Уолш?

– Да.

– А я Кирби Дункан. – Он протянул руку для рукопожатия, а за ней последовала визитная карточка. – Частный детектив.

Эйбра почувствовала, как между ней и этим человеком вырастает психологический барьер.

– Я здесь выполняю поручение одного клиента из-под Бостона. Надеюсь, вы не откажетесь ответить мне на несколько вопросов. Мне было бы приятно угостить вас чашечкой кофе, если вы уделите мне несколько минут.

– Свою сегодняшнюю порцию кофе я уже выпила.

– Я вам завидую. Никогда не мог уложиться ни в какие нормы. Если бы вы только знали, сколько кофе я выпиваю за день. Уверен, что в кафе на вашей улице подают не только кофе, но и чай или что-то еще.

– У меня дела, мистер Дункан, – ответила ему Эйбра, натягивая ботинки. – О чем вы хотите меня расспросить?

– Меня проинформировали, что вы работаете на Эли Лэндона.

– Проинформировали?

Выражение лица частного детектива оставалось столь же приветливым, как и в начале их разговора.

– Это ведь не секрет, не так ли?

– Нет, не секрет, но вас это не касается.

– Меня касается все, что имеет отношение к собираемой мною информации. Вам должно быть известно, что Эли Лэндона подозревают в убийстве собственной жены.

– Я полагаю, вы не совсем точны в своих формулировках, – заметила Эйбра, натягивая шапку. – Точнее было бы сформулировать так: после года следствия полиции не удалось добыть никаких доказательств того, что Эли Лэндон имеет какое-либо отношение к убийству собственной жены.

– Не секрет, в наше время большинство прокуроров не склонны брать дела, не обещающие им легкого успеха. Но это вовсе не означает, что доказательств совсем нет. И моя работа состоит в том, чтобы собрать побольше информации. Позвольте, я вам помогу.

– Нет, спасибо, я привыкла носить свои вещи сама. На кого же вы работаете?

– Я уже сказал, у меня есть клиент.

– Но у вашего клиента должно быть имя.

– Скажу вам сразу, я не имею права разглашать подобные сведения.

– Понятно. – Эйбра мило улыбнулась ему и направилась к лестнице. – У меня, к сожалению, нет никакой информации, которую я могла бы разгласить.

– Если Лэндон невиновен, значит, ему нечего скрывать.

Эйбра остановилась и взглянула Дункану прямо в глаза.

– В самом деле? Я сомневаюсь, что вы до такой степени наивны, мистер Дункан. По крайней мере, я – нет.

– У меня есть право оплачивать любую полученную информацию, – намекнул сыщик, когда они стали подниматься по лестнице, которая вела в церковь.

– У вас есть право оплачивать слухи и сплетни? Нет, благодарю вас. Когда я сплетничаю, я делаю это бескорыстно.

Она вышла на улицу и повернула к стоянке, где находился ее автомобиль.

– У вас близкие отношения с Лэндоном? – крикнул ей вслед Дункан.

Эйбра ощутила, как непроизвольно сжались челюсти, и про себя выругалась. Легкость и приподнятое настроение, вызванные йогой, полностью испарились. Она бросила коврики и сумку в багажник и открыла дверцу. Перед тем как сесть в машину, она вместо ответа повернулась к детективу, подняла средний палец, захлопнула дверцу, повернула ключ зажигания и поехала.

Негодование от этой встречи не покидало Эйбру, что бы она ни делала, какой бы работой ни занималась. Она решила было отменить сеанс массажа, но не смогла подыскать вразумительного предложения. И потом, какое она имеет право наказывать ни в чем не повинного клиента? Только потому, что какой-то бесцеремонный бостонский детектив попытался нахально влезть в ее личную жизнь? А груба она была с ним только потому, что ему удалось сразу же нащупать ее уязвимое место. На самом деле влезал он не в ее жизнь, а в жизнь Эли. Как бы то ни было, подобное поведение, с точки зрения Эйбры, было вызывающе наглым и недостойным.

Уж она-то таких типов на своем веку повидала!

Когда ей пришла эсэмэска от Морин по поводу пробежки, она была уже готова отказаться от их затеи. Но потом подумала, что занятие спортом и общество подруги как раз то, что ей сейчас нужно.

Эйбра переоделась, наглухо застегнула толстовку, натянула вязаную шапочку и перчатки без пальцев и встретила с подругой на ступеньках лестницы, ведущей на пляж.

– Ох, спасибо тебе. Мне это жизненно необходимо, – заметила Морин, подбегая к ней. – Восемнадцать воспитательниц детских садов, которые обожают сладкое. Все американские педагоги заслуживают удвоения зарплаты и букета роз в конце каждой безумной рабочей недели. И бутылки «Золотого виски Лэндонов», конечно.

– Я так понимаю, пирожные имели успех.

– На них налетели, как саранча, – ответила Морин, когда они шли к берегу. – Ни одной крошечки не осталось. У тебя все в порядке?

– А что?

– У тебя вот здесь появилась маленькая складочка. – Морин постучала пальцем у себя между бровей.

– Черт! – Эйбра инстинктивно потерла указанное место. – У меня здесь скоро появятся настоящие морщины. Целые траншеи.

– Нет, конечно, нет. У тебя просто иногда появляется такая складочка, когда ты очень расстроена или злишься. И что же на сей раз, ты расстроена или разозлилась?

– Наверное, то и другое одновременно.

Они начали легкую пробежку по берегу: пенящийся океан с одной стороны и песок с сугробами снега – с другой.

Хорошо зная характер подруги, Морин решила не любопытничать.

– Ты заметила того парня, который вошел, когда ты выходила с занятий? Примерно среднего роста, каштановые волосы, приятное лицо, небольшой животик?

– Не помню... возможно. Да, кажется, он придержал дверь передо мной. А что такое? Что случилось?

– Он спустился вниз, в зал.

– Все-таки, что случилось? – Морин резко остановилась. Но, поняв, что Эйбра не собирается следовать ее примеру, бросилась за ней вдогонку. – Дорогая, он что, оскорбил тебя, попытался?.. Он в самом деле...

– Нет. Ничего такого. Мы же в Виски Бич, а не в ирландском квартале Бостона.

– И все-таки. Черт! Мне не следовало оставлять тебя там одну. Но у меня вся голова была занята этими дурацкими пирожными.

– Нет, ничего в таком роде там не случилось. И, помимо всего прочего, кто из нас преподаватель на курсах самозащиты для женщин, ты или я?

– Ну, ты, конечно. Что совсем не означает, что твоя лучшая подруга может бросить тебя в беде.

– Нет, все гораздо сложнее. Он частный детектив из Бостона. Ну, давай, догоняй, побежали, – сказала Эйбра, заметив, что Морин снова остановилась. – Не отставай. Мне нужно хорошенько выбегаться, чтоб избавиться от последствий разговора с ним.

– А что ему было надо? Ведь тот подонок все еще в тюрьме?

– Да. Его интересовала не я. Он спрашивал об Эли.

– Эли? Ты говоришь, что это был частный детектив, не полицейский. Чего же он хотел?

– Он заявил, что ему нужна информация. Хотел выудить из меня какие-нибудь сплетни и слухи об Эли. Всякую грязь, за которую готов был заплатить. Ему нужен был шпион в доме у Эли, – процедила она сквозь зубы. – Кто-то такой, кто будет следить за Эли и передавать все, что он делает и что говорит. Хотя я плохо представляю, как бы такой соглядатай выполнял свои функции, ведь Эли ничего особенного не делает и почти ничего мне не рассказывает. И когда я потребовала, чтобы ищейка убрался прочь, тот спросил, нет ли у меня каких-либо отношений с Эли. И это прозвучало так, словно он подозревает, не трахаемся ли мы с Эли, как кролики. В общем, мне этот разговор страшно не понравился. Такой скользкий тип! Ну и, конечно, неудивительно, что теперь у меня на лице залегли глубокие морщины.

От бега и эмоций лицо Морин порозовело. Ее слегка охрипший голос тем не менее прозвучал громко, перекрывая грохот волн:

– Это не его собачье дело, даже если бы вы трахались, как кролики. Жены Эли уже год как нет на этом свете, да и накануне ее смерти они готовились к разводу. Кроме того, у них против него практически ничего нет, за исключением нескольких косвенных улик. Копы ничего не могут доказать, поэтому теперь они начали просто копать в грязи.

– Не думаю, чтобы в полиции стали бы нанимать частных детективов.

– Да, пожалуй. И кто же, по-твоему, оплачивает его услуги?

– Не знаю. – По мере того как разогревались мышцы, а холодный воздух освежал лицо, настроение Эйбры выравнивалось. – Может быть, страховая компания? Возможно, жизнь его жены была застрахована, и они не хотят платить. Правда, детектив уточнил, что его нанял какой-то конкретный клиент. Но он не пожелал сообщить мне его имя. Возможно, адвокаты страховой компании или... ну, я не знаю, семьи его покойной жены, которая никак не может оставить зятя в покое и постоянно обливает грязью в прессе.

– Понятия не имею. Давай я спрошу Майка.

– Майка? Почему именно Майка?

– Он постоянно сотрудничает с адвокатами и их клиентами.

– С адвокатами, работающими с недвижимостью, и с их клиентами, – уточнила Эйбра.

– Послушай, адвокат всегда адвокат, а клиент всегда клиент. Он может что-нибудь подсказать. По крайней мере, сам он никому не разболтает.

– Не думаю, что это последнее имеет такое уж значение. Если тот парень выследил меня, кто знает, с кем еще он уже успел переговорить. Снова заваривается мерзкая каша.

– Бедный Эли.

– Ты ведь тоже никогда не верила, что он совершил убийство?

– Никогда.

– А почему ты ему веришь, Морин?

– Ну, насколько тебе известно, я получила свой диплом детектива благодаря телевизору.

И я просто не могу поверить, чтобы человек, никогда не проявлявший агрессивного поведения, вдруг взял и вот так сразу размозжил голову своей жене каминной кочергой. Да, конечно, она ему изменяла, и это могло вывести его из себя. Когда они развелись, она вела себя отвратительно. Иногда мне самой хочется размозжить голову Майку кочергой.

– Ты шутишь!

– Ну, не в буквальном смысле, конечно. Но суть в том, что я в самом деле очень люблю Майку. И мне кажется, что для того, чтобы у вас возникло желание вышибить кому-то мозги, вы должны по-настоящему любить или ненавидеть этого человека. Ну, конечно, если речь не идет о чем-то чрезвычайно серьезном, вроде психических заболеваний, денег, страха или мести. В общем, ты понимаешь.

– И кто же, по-твоему, совершил преступление?

– Если бы я это знала и могла доказать, меня бы из простого детектива произвели в лейтенанты. Или в капитаны. А мне очень хочется носить капитанские погоны.

– Ты уже и так капитан. Капитан прекрасного корабля под названием «О’Малли».

– Совершенно верно. Можно стать капитаном полицейского управления телезрителей, отвечающим за оправдание Эли Лэндона.

Эйбра ничего не ответила, и Морин схватила ее за руку:

– Это все шутки. Даже и не думай ввязываться в такие дела. Все само собой выяснится, Эйбра. Эли сам во всем разберется.

– Но что я могу сделать?

Смысл и тон вопроса свидетельствовали о том, что спокойно принять совет Морин она не собиралась.

Когда они повернули обратно, Эйбра поняла, что поступила правильно, отправившись на пробежку. У нее появилось время поразмышлять, рассеять дурное настроение, обдумать дальнейшие действия. Ей очень не хватало движения в долгие зимние месяцы, не хватало звука собственных шагов по песку и запаха морского воздуха.

Она не принадлежала к числу тех, кому не терпится, чтобы время бежало поскорее, но она всегда тосковала по весне и лету.

Будет ли Эли все еще в Блафф-Хаусе, подумала Эйбра, когда на улице снова станет тепло и деревья зазеленеют? Развеет ли легкий весенний бриз призраки, которые его преследуют?

Может быть, помочь ему бороться, выдворить призраки за дверь. Она обязательно поразмыслит над этим.

И тут она увидела его. Эли стоял у самой кромки воды, засунув руки в карманы и всматриваясь в далекий горизонт.

– Вот и Эли.

– Что? Где? О черт!

– А в чем проблема?

– Знаешь, мне не хотелось бы столкнуться с ним в первый раз после стольких лет такой потной, раскрасневшейся и запыхавшейся. Женщина всегда сохраняет в своем воображении некий идеальный образ случайной встречи со своим первым возлюбленным. И почему именно сегодня мне пришло в голову надеть свои самые старые спортивные брюки? В них мои ноги смотрятся как бревна.

– Не говори ерунды, Морин. Я бы никогда не позволила тебе надеть брюки, которые тебя полнят. Подобными словами ты меня оскорбляешь как свою подругу.

– Ты права. Я не должна была так говорить. Это с моей стороны недостойно и эгоистично. Извини.

– Извинение принято! Но впредь следи за своими словами... А, Эли!

– Черт! – пробормотала Морин, заметив, что он повернулся в их сторону. Почему она, по крайней мере, не сунула в карман губную помаду?

Эйбра подняла руку. Она не видела его глаз, так как на нем были солнечные очки. Но на сей раз он не отделался простым приветственным взмахом руки и не ушел. Он дождался их, и для Эйбры это был добрый знак.

– Привет! – Она остановилась, положила руки на бедра, отвела ногу назад и потянулась. – Если бы мы встретились раньше, я бы попыталась уговорить вас присоединиться к нашей пробежке.

– Последнее время мне больше нравится ходьба.

Он отвернулся от них и снял очки, затем снова повернулся к ним.

Впервые Эйбра увидела, что он улыбнулся теплой, почти радостной улыбкой, когда его взгляд упал на лицо Морин.

– Морин Бэннион, неужели это ты?

– Да, это я. – Смущенно хохотнув, она подняла руку, чтобы поправить волосы, забыв, что на ней лыжная шапочка. – Привет, Эли.

– Морин Бэннион, – повторил он. – Нет, извини, теперь наверное зовут не так... Как же?

– О’Малли.

– Верно. В последний раз, когда мы виделись, ты была...

– Беременна и с огромным животом.

– Ты выглядишь превосходно.

– Я выгляжу потной и усталой, но все равно спасибо. Мне очень приятно было с тобой встретиться, Эли.

И когда Морин подошла к нему и заключила его в крепкие дружеские объятия, Эйбра подумала, вот почему я с первого взгляда к ней привязалась – раз и навсегда. Такая удивительно простая и естественная открытость, доброе сердце, способность понять и посочувствовать любому.

Она заметила, что Эли закрыл глаза. Может быть, подумала Эйбра, он вспоминает ту ночь под пирсом Виски Бич, когда все было так просто и невинно.

– Я ждала, пока ты устроишься, – сказала Морин. – Но, кажется, уже пора пригласить тебя к обеду, познакомить с Майком, с детьми.

– О да...

– Мы живем в «Морском бризе», рядом с домом Эйбры. Совсем недалеко. Как Эстер?

– Лучше. Намного лучше.

– Передай ей, что нам очень ее не хватает на занятиях йогой. Ну, а теперь мне нужно бежать – ха, ха! – забирать детишек. Добро пожаловать в Виски Бич, Эли. Мы тебе здесь всегда рады. И как хорошо, что ты снова живешь в Блафф-Хаусе!

– Спасибо.

– Встретимся и поболтаем, Эйбра. Кстати, мы с Майком планируем в пятницу вечером устроить вечеринку в местном пабе. Уговори Эли прийти.

И помахав им рукой, она убежала.

– Я и не предполагал, что вы знакомы, – начал Эли.

– Верные друзья навеки.

– Угу...

– Такое бывает не только в детстве. Настоящие друзья в любом возрасте делятся друг с другом всем.

Он хотел было кивнуть, но тут Эйбра заметила, что ее слова, видимо, задели его за живое.

– О да... – Он снова закрыл глаза очками. – Гм.

Рассмеявшись, она игриво толкнула его:

– По крайней мере, всеми захватывающими сексуальными подростковыми секретами.

– Может быть, мне не стоит встречаться с ее мужем.

– С Майком? Ну, что вы! Кроме того, что Майк занимает одну из самых верхних позиций в моем личном списке очаровательных мужчин, он еще и очень добрый и порядочный человек. И прекрасный отец. Он вам понравится. Обязательно сходите в паб в пятницу вечером.

– Я не знаю, что это за паб.

– Раньше он назывался по-другому. «Кузнечики».

– Да-да, конечно, вспомнил.

– Как мне говорили, еще до того, как я сюда приехала, это заведение почти разорилось. Но в последние три года появились новые владельцы, новое название. Там очень мило. Весело. Хорошие напитки, замечательные люди и каждую пятницу и субботу живая музыка.

– Откровенно говоря, мне не очень хочется толкаться у стойки с чужими людьми.

– Но только общение поможет вам понизить уровень стресса. Вы ведь только что радовались.

– Что?

– Вы улыбнулись, когда узнали Морин. По-настоящему улыбнулись. Вы светились, когда встретились с ней, и не смогли скрыть свою радость. Давайте пройдемся.

Эйбра махнула рукой в сторону своего дома. И чтобы не дать ему возможности отказаться, она взяла его за руку и пошла по берегу.

– Как вы себя чувствуете? – поинтересовалась она. – Со времени последнего сеанса массажа.

– Хорошо. Вы были правы, мне всегда немного хуже на следующий день после массажа, но потом все проходит.

– По-настоящему вы ощутите пользу от массажа, только когда нам удастся наконец развязать ваши стянутые в узлы мышцы и сформировать навык расслабляться. Мне нужно показать вам несколько приемов йоги.

Глаза Эли были скрыты от нее под очками, но язык его тела стал ей предельно ясен – он выражал крайнюю настороженность и недоверие.

– Не думаю.

– Йога ведь не только для девушек.

Она тяжело вздохнула.

– Что-нибудь не так? – спросил он.

– Меня терзает одна мысль. Я не знаю, должна или не должна вам кое-что сказать. Мне думается, что вы имеете право это знать, даже если информация, которую я вам сообщу, вас расстроит.

– И что же должно меня расстроить?

– После утреннего занятия ко мне в класс зашел человек, пожелавший побеседовать со мной. Частный детектив. Зовут его Кирби Дункан, из Бостона. Он заявил, что у него там клиент, а здесь он выполняет его задание. И он собирался расспросить меня о вас.

– Ну и ладно.

– Ладно? Нет, как раз наоборот. Он вел себя нагло и сказал, что заплатит мне за информацию, что я восприняла как оскорбление. Это же откровенное вмешательство в личную жизнь, а это непозволительно. Вторгаются в вашу личную жизнь. Вы должны...

– Сообщить в полицию? Для меня полиция – пройденный этап. Нанять адвоката? Но у меня таковой уже имеется.

– Это несправедливо. Целый год вас травил пресса и преследовала полиция. И теперь они или кто-то еще, спрятавшись за спинами адвокатов и детективов, продолжают вас тиранировать. Должен же существовать способ их остановить.

– Нет законов, запрещающих людям задавать вопросы. Агенты ведь не прячутся. Они хотят, чтобы я знал, кто платит за вопросы и за ответы.

– И кто же? Только не говорите мне, что это не мое дело, – резко предупредила его Эйбра на тот случай, если у него вдруг возникнет такая мысль. – Тот болван пытался заговорить со мной. Намекнул, что я отказываюсь отвечать на его вопросы потому, что у нас с вами какие-то недвусмысленные отношения, что в переводе на простой язык означает, будто я с вами сплю.

– Извините.

– Нет. – Эйбра почувствовала, что он пытается высвободить руку, и крепко сжала ее. – Это не ваша вина. Но даже если бы у нас и завязались близкие отношения, те, на которые он намекал, что из этого? Его же они не касаются. Мы взрослые люди, мы одиноки. И нет абсолютно ничего дурного, ничего аморального, ничего из ряда вон выходящего в том, что вы решили перейти на новый этап в своей жизни. Ваша супружеская жизнь закончилась еще до того, как погибла ваша жена. Почему у вас не может быть интимных отношений с кем угодно, включая и меня?

Эли загляделся: когда она злится, ее глаза начинают отсвечивать каким-то особым ярко-зеленым блеском. Но только когда она по-настоящему теряет контроль над собой.

– Создается впечатление, что вас это расстраивает больше, чем меня.

– А вы-то почему спокойны? – воскликнула она. – Почему вас это не возмущает?

– Я слишком много времени и сил потратил на злость и возмущение. Без какого-либо реального результата.

– Но это же наглость с их стороны и... и... элементарная мстительность. И какой смысл, если... – И тут она мгновенно все поняла. – Ее семья, правильно? Родители вашей жены. Они не могут простить.

– А вы смогли бы?

– Перестаньте демонстрировать свою рациональность. – Эйбра отошла в сторону и зашагала прямо к пенистой кромке воды. – Думаю, что, если бы Линдси была моей сестрой, матерью или дочерью, я бы постаралась найти преступника.

Она резко повернулась лицом к Эли и взглянула прямо ему в глаза.

– Неужели, по-вашему, то, что они делают: нанимают детектива, отправляют его сюда, заставляют задавать вопросы всем подряд, – это способ отыскать настоящего убийцу?

– Я согласен, их поведение не слишком логично. – Он пожал плечами. – Они выбрали ложный след и вряд ли чего-нибудь добьются, но они ведь уверены, что Линдси убил я. Просто представить себе не могут, что такое зверское преступление мог совершить кто-то другой.

– С их стороны это очень близорукий и неразумный подход. Ведь вы же не были единственным мужчиной в ее жизни, а на момент гибели не были даже самым важным в ее жизни. У нее был любовник, работа, друзья. Она состояла в различных комиссиях, у нее были родственники, наконец.

Эйбра замолчала, заметив, как хмуро смотрит на нее Эли.

– Я же вам говорила, что внимательно следила за вашим делом и слушала рассказы Эстер. Иногда ей было легче обсудить ситуацию со мной, чем с вами и с членами вашей семьи. Я к ней очень хорошо относилась, но при этом не была родственницей. Она могла излить мне накопившиеся переживания и мысли.

Мгновение он молчал, затем кивнул и заметил:

– Должно быть, ей очень помогало ваше присутствие.

– Думаю, что да. И я знаю, что Эстер не любила очень Линдси. Однако она пыталась тепло принимать ее у себя в доме.

– Мне все это прекрасно известно.

– И вряд ли Эстер была единственной, кто испытывал к Линдси противоречивые чувства. Поэтому, как и у большинства людей, у Линдси были враги или, по крайней мере, люди, которые ее не жаловали, завидовали ей, имели на нее зуб за что-то.

– Никто из них не состоял с ней в законном браке и не устраивал с ней публичного скандала в день ее гибели.

– Мне остается только надеяться, что вы защищали себя, не следуя той логике, по которой строите сейчас разговор со мной.

Эли едва заметно улыбнулся:

– Тогда я выглядел бы полным идиотом в глазах своего адвоката. Поэтому конечно нет. Но все, что я здесь говорил, вполне основательные доводы. Добавьте к этому еще и список того, в чем, помимо гибели дочери, обвиняли меня ее родственники. Я поставил свои потребности и амбиции выше ее и тем самым сделал ее несчастной, поэтому она вынуждена была искать компенсации на стороне. Она жаловалась им на то, что я практически не обращаю на нее внимания. Линдси подозревала, что у меня появились любовницы. Кроме того, я внезапно охладел к ней и постоянно осыпаю ее оскорблениями.

– Но ведь им не удалось отыскать никаких доказательств ваших измен, даже в ходе тщательного полицейского расследования. И доказательств того, что вы были с ней по-настоящему грубы и жестоки, тоже нет.

– В ходе нашей последней публичной стычки я был довольно груб.

– Насколько я поняла из прочитанных мною статей, оскорбления были взаимны – вы друг другу не уступали. Ладно, потребность семьи поддерживать ее, оправдывать, как-то успокоить свою совесть – все это объяснимо. Но загонять вас в угол при помощи частного детектива, отправлять его сюда? Ведь здесь, в Виски Бич, ничего нет. Вы много лет отсутствовали. Что он может найти в наших краях?

Да, в самом деле, подумал Эли, возможность излить Эйбре свои мысли очень помогла его бабушке. И несмотря на собственное нежелание возвращаться к старому, он понимал, что разговор с ней на эту тему снял груз с его души.

– Думаю, единственное, к чему они сейчас стремятся, – поставить меня в известность, что мне не дадут жить спокойно. Они постоянно будут грозить мне повторным открытием дела о непредумышленном убийстве.

– О, Эли.

– Они будут использовать любые средства и пути для достижения своей цели.

– Но почему они не преследуют любовника Линдси или других ее знакомых, которые были с ней связаны последнее время?

– У ее любовника надежное алиби. У меня такого нет.

– Кто ему обеспечил прикрытие?

– В момент гибели Линдси он был дома с женой.

– Я все это читала и слышала, но ведь его жена могла солгать.

– Конечно, но зачем? Оскорбленная, униженная супруга, обозленная известием полиции о том, что ее муж состоял в связи с женщиной, которую они оба очень хорошо знали. Она тем не менее признается, хоть и неохотно, что в день убийства Линдси с шести вечера он находился дома. Их версии событий того дня, воспоминания о том, что они делали и когда, полностью совпадают. Джастин Зюскинд не убивал Линдси.

– Но и вы ведь ее тоже не трогали.

– С точки зрения математической вероятности, я остаюсь более вероятным убийцей, чем он.

– Какой шикарный вывод! И на чьей же вы стороне после подобных заявлений?

Эли снова едва заметно улыбнулся:

– На своей собственной. Я знаю, что не убивал ее, но я также абсолютно уверен, что, с их точки зрения, все указывает на меня.

– Но если они продолжают воздействовать на вас, ответьте им тем же. Вы ведь сможете?

– Я уже практически исчерпал все свои ресурсы.

– Они наняли частного детектива, наймите и вы.

– Уже нанимал, но он не нашел ничего существенного.

– Значит, просто все бросить? Опустить руки? Наймите другого, сделайте еще одну попытку.

– Вы говорите почти как мой адвокат.

– Ну, и прекрасно. Послушайтесь своего адвоката. Нельзя же просто вот так все принять и смириться. По своему личному опыту знаю, что нужно бороться, – добавила Эйбра. – Это часть моей длинной истории, которую я вам как-нибудь расскажу. В данный момент из-за вашей покорной позиции вы выглядите подавленным, слабым и трусливым. Вы самому себе представляетесь жертвой. Человек становится жертвой, только когда сам позволяет этому произойти.

– Неужели кто-то когда-то причинил вам сильную боль?

– Да. И слишком долго я вела себя примерно так же, как вы. Я смиренно принимала свой жребий. Вам нужно бороться, Эли. – Она положила руки ему на плечи. – Поверят они в вашу невиновность или нет, но им нужно показать, что вы не мальчик для битья. И вы сами тоже должны это осознать.

Двигимая каким-то безотчетным импульсом, она встала на цыпочки и коснулась губами его лица.

– Идите же позвоните своему адвокату, – приказала она и направилась к лестнице, чтобы уйти с пляжа.

Наверху, на длинном береговом выступе, вдававшемся в океан, стоял Кирби Дункан и снимал их фотоаппаратом с длиннофокусным объективом. Он сразу же понял, что между Лэндоном и длинноногой брюнеткой что-то есть. Не бог весть что, конечно, но ведь его работа состояла в том, чтобы по крупяцам собирать материал на Лэндона, задавать вопросы и вообще всячески портить ему жизнь.

Глава 6

Когда Эйбра пришла в Блафф-Хаус, чтобы в очередной раз прибраться, ее встретил сильный аромат кофе. Она окинула взглядом кухню – Эли содержал ее в идеальной чистоте, – затем, обнаружив, что он не составил список необходимых покупок, занялась этим сама.

Когда вошел Эли, она стояла на табуретке и протирала кухонные шкафчики и полки.

– Доброе утро. – Она улыбнулась ему через плечо своей обычной приветливой улыбкой. – Давно встали?

– Да. Мне хотелось поработать. – Особенно после того, как проклятый сон разбудил его перед самым рассветом. – Сегодня мне нужно съездить в Бостон.

– Неужели?

– Я встречаюсь там со своим адвокатом.

– Отлично. Вы поели?

– Да, мамочка.

Никак не отреагировав на его иронию, Эйбра продолжила уборку.

– Вы повидаете семью?

– Да, по крайней мере, я собираюсь им позвонить. Точно не знаю, когда вернусь. Возможно, мне придется остаться там на ночь.

– Никаких проблем. Сеанс массажа можно перенести.

– Я оставляю вам деньги. Столько же, сколько в прошлый раз?

– Да. Если потребуется, мы подкорректируем сумму на следующей неделе. Так как вы не будете работать у себя в кабинете, то я там немного приберусь. Обещаю ничего не трогать на вашем столе.

– Хорошо.

Он продолжал стоять на месте, не сводя с нее глаз. На ней сегодня была обычная черная футболка – для нее слишком строгая, – удобные черные брюки и красные кроссовки. В ушах покачивались цепочки с маленькими красными шариками. Кроме того, Эли заметил блюдо на кухонной полке, в котором лежали несколько серебряных колец. Наверное, она сняла их, чтобы на них не попали чистящие жидкости.

– Вы были правы, – произнес он после паузы.

– Приятно это слышать. – Она спустилась с табуретки и повернулась к нему. – И в чем же на этот раз?

– В том, что нужно бороться, уметь давать сдачи. Я действительно все удары судьбы принимал безропотно. На то у меня были свои причины, но такая тактика не сработала. И теперь я понял, что мне нужно вооружаться.

– Вы приняли правильное решение. Нельзя никому позволять нагло влезать в твою личную жизнь. А ведь именно этим и занимается семья Линдси. Ничего у них не выйдет.

– Почему?

– У них же практически нет фактов и доказательств, во всяком случае, с юридической точки зрения. По крайней мере, я ничего такого не вижу. Мне в жизни приходилось сталкиваться с самыми разными адвокатскими вывертами.

Эли негромко рассмеялся.

– То есть вы почти квалифицированный юрист.

Польщенная его реакцией, она кивнула:

– Могла бы себе на жизнь и этим зарабатывать. Адвокаты ведь, как правило, забивают голову клиентам всякого рода судебной риторикой и оглушают их немыслимыми синтаксическими конструкциями, чтобы выудить побольше денег.

– Довольно специфическое суждение.

– Но вполне рациональное. Они, наверное, думают, что если продолжат затягивать это дело и покусывать вас то с одной, то с другой стороны, то, возможно, им удастся получить какие-то новые улики против вас. Или, по меньшей мере, они смогут помотать вам нервы, завалить вас документами и судебными постановлениями так, что вы в конце концов запросите их о внесудебном соглашении. Что, с их точки зрения, будет доказательством вашей вины. Они жаждут крови и движимы только болью.

– Логично. Наверное, вы действительно могли бы этим неплохо зарабатывать.

– Мне нравится «Хорошая жена».

– Кто это? Или что?

– Телевизионный сериал о молодой женщине-адвокате. На самом деле очень интересное психологическое действо и очень сексуальное. Как бы то ни было, главное – то, что вы наконец-то решились встретиться со своим адвокатом и что вы начали делать хоть какие-то шаги. И сегодня вы выглядите лучше.

– Чем когда?

– Чем раньше. – Положив правую руку на бедро, она наклонила голову. – Не хотите надеть галстук?

– Галстук?

– Обычно я не вижу никакого смысла в мужской привычке надевать себе петлю на шею. Но вам все-таки следует надеть галстук. С ним вы будете чувствовать себя сильнее и увереннее. Снова станете самим собой. Кроме того, у вас же там, наверху, их целая коллекция.

– Что-нибудь еще?

– Не стригитесь.

В очередной раз она ошарашила его.

– Не стричься? Почему?

– Мне нравятся ваши волосы. Конечно, у вас не адвокатская прическа, зато писательская. Чуть-чуть привести в порядок, если сочтете нужным, я могла бы вам с успехом подровнять волосы сама, но...

– Нет, вы не можете.

– Что тут такого сложного? Для подобной стрижки требуются элементарные навыки. Вам не стоит возвращаться к стандартному адвокатскому облику: идеальная стрижка – идеальный костюм – идеальный галстук.

– Надеть галстук, но при этом не стричь волосы?

– Совершенно верно. И купите цветы для Эстер. Сейчас уже можно найти в продаже тюльпаны, они ей напомнят о весне.

– Мне, видимо, следует записать все ваши рекомендации?

Эйбра улыбнулась, обходя кухонный стол:

– Вы не только хорошо выглядите сегодня, вы чувствуете себя лучше. К вам вернулось некое специфическое нахальство, и оно не результат обычной перемены в настроении. – Эйбра смахнула пыль с обшлагов его спортивной куртки. – Ну, идите выбирать галстук. И ведите машину осторожно.

Она поднялась на цыпочки и поцеловала его в щеку.

– Кто вы такая? На самом деле?

– Мы когда-нибудь об этом поговорим. Привет от меня вашим родственникам.

– Хорошо. Увидимся, когда... когда увидимся.

– Я перенесу сеанс массажа и отмечу новое время на вашем календаре.

Она обошла стойку, снова взобралась на табурет и продолжила работу.

Эли последовал ее совету и выбрал галстук. Вряд ли он стал в нем чувствовать себя сильнее или увереннее, но, как ни странно, ощутил, что теперь его внешний облик стал более

завершенным. С этой мыслью он достал «дипломат», положил в него нужные папки, новый блокнот, заточенные карандаши, ручку и, немного подумав, добавил к ним еще и диктофон.

Затем надел дорожное пальто, взглянул на свое отражение в зеркале и пробормотал:

– Кто ты такой?

Сейчас он не очень похож на того человека, каким когда-то был, но его нынешний облик отличался и от того, к которому он привык в последнее время. Уже не адвокат, подумал Эли, но еще и не писатель. Не преступник, но и не совсем невиновный.

Все еще пребывающий в преддверии ада, но, возможно, уже готовый к тому, чтобы вырваться на свободу.

Эли оставил деньги для Эйбры на рабочем столе, спустился вниз и вышел из дома под звуки сборника лучших мелодий Брюса Спрингстина⁴.

Он сел в машину и неожиданно вспомнил, что садится за руль в первый раз с тех самых пор, как приехал сюда три недели назад.

Ему было приятно вновь управлять машиной. Быть уверенным в себе, совершать активные действия. Эли включил радио и рассмеялся, услышав песню группы «The Boss». Как будто рядом с тобой сидит Эйбра, подумал он, выезжая за пределы Виски Бич.

Он не обратил внимания на автомобиль, который выехал на шоссе сразу же вслед за ним.

Так как день был относительно теплый, Эйбра распахнула все двери и окна, чтобы проветрить главные помещения в доме. Она перестелила постель Эли, взбила подушки и теплое одеяло. Немного подумав, сложила из полотенца фигурку рыбы. Порывшись у себя в сумке, в которой она, по ее же собственным словам, хранила самые необходимые безделушки, извлекла из нее пластиковую трубку и воткнула рыбе в рот.

Как только спальня начала соответствовать ее стандартам чистоты, а первая партия белья закрутилась в стиральной машине, Эйбра обратила внимание на кабинет.

Ей ужасно хотелось порыться у него в столе на тот случай, если он оставил там какие-то заметки, нужные для работы над романом. Но в обязанности домработницы такой контроль за работодателем явно не входил.

И она начала как обычно вытирать пыль, пылесосить, убирать пустые бутылки из-под минеральной воды и заменять их новыми, полными. Написала очередное послание, которое ей продиктовала Эстер, и приклеила его к бутылке. Протерев кожаное кресло, она какое-то время постояла рядом, оценивая сделанную работу.

Неплохо, решила Эйбра. Ветер и солнце практически полностью избавили побережье от снега. Сегодня океан простирался спокойной синей гладью, лишь водоросли еле заметно показывались на легком ветерке. Некоторое время Эйбра наблюдала за рыбацким судном, тусклым красным пятнышком на насыщенном синем фоне, таким хрупким и беззащитным посреди просторов океана.

Стал ли Виски Бич домом для Эли? – подумала Эйбра. Этот удивительный пейзаж, этот воздух, эти звуки и запахи? Сколько времени потребовалось ей, чтобы по-настоящему освоиться здесь?

Точно вспомнить она не могла. Возможно, ощущение дома пришло, когда к ней в первый раз постучалась Морин с блюдом печенья и бутылкой вина. Или, может быть, когда она прошлась по берегу и впервые ощутила то умиротворение, которое потом берегла и лелеяла.

Как и для Эли, для нее приезд в Виски Бич был бегством. Но у нее в отличие от него был выбор, и она сознательно предпочла Виски Бич.

И правильно сделала.

⁴ Брюс Фредерик Спрингстин – американский рок- и фолк-музыкант, автор песен. Двадцатикратный лауреат премии «Грэмми», обладатель премии «Оскар» и «Золотой глобус» за лучшие песни к лентам «Филадельфия» и «Рестлер».

Рассеянным жестом Эйбра провела пальцем по ребрам с левой стороны и по шраму, который пересекал их по диагонали. Она редко вспоминала о нем теперь, редко думала о том, от чего она тогда убегала.

Но Эли напомнил ей о прошлом, и, возможно, это стало той причиной, по которой она чувствовала себя обязанной помогать ему.

Правда, у нее было и много других причин. И она решила, что может добавить к ним еще одну. Улыбку, осветившую его лицо, когда он увидел Морин.

Вот у меня появилась новая цель, решила Эйбра. Дать Эли Лэндону больше поводов улыбаться.

Но в данный момент она должна сосредоточиться на уборке и положить его белье в стиральную машину.

Едва Эли успел войти в приемную Нила Симпсона и отказаться от кофе, воды и всего остального, предложенного ему одной из трех девушек-ассистенток, как появился Нил собственной персоной.

– Привет, Эли. – Нил, в своем дорогом, идеально подогнанном портным костюме, подошел к клиенту и крепко пожал ему руку. – Рад тебя видеть. Пройдем ко мне в кабинет.

Упругой походкой атлета он прошел по изысканно оформленному лабиринту коридоров с кабинетами Гарднера, Копека, Райта и Симпсона. Уверенный в себе успешный джентльмен, высоко ценимый повсюду юрист, в свои тридцать девять компаньон одной из крупнейших адвокатских контор города.

Эли доверял ему, потому что не мог иначе. Хотя работали они в разных фирмах и часто соперничали из-за одних и тех же клиентов, круг знакомых и друзей у них был примерно один и тот же.

Да, подумал Эли, теперь об этом можно уже говорить в прошедшем времени. Большая часть того, что когда-то их роднило, ушло под грубым напором всевозможных СМИ.

Войдя в кабинет с панорамным видом на центр города, Нил проследовал не к своему огромному рабочему столу, а жестом пригласил Эли в уголок, где стояло несколько кожаных кресел.

– Давай начнем с кофе, – предложил Нил, когда его очаровательная ассистентка внесла поднос с двумя огромными чашками с пенящимся капучино. – Спасибо, Розали.

– Пожалуйста. Что-нибудь еще?

– Если понадобится, я дам знать.

Как только за девушкой закрылась дверь, Нил откинулся на спинку кресла, внимательно рассматривая Эли.

– Ты выглядишь значительно лучше.

– Да, мне многие так говорят.

– Как продвигается книга?

– Иногда хорошо, иногда хуже. В целом, вполне сносно.

– Как там твоя бабушка? Выздоровливает?

– Да, выздоравливает. Я собираюсь заехать к ней сегодня. Не стоит этим заниматься, Нил. Пристальный взгляд карих глаз адвоката обратился на Эли.

– Чем?

– Светской болтовней. Традиционным расслабляющим клиента бессмысленным обменом любезностями.

Нил пригубил кофе.

– Мы были друзьями еще до того, как ты стал моим клиентом, но ты ведь стал им не потому, что мы друзья. Или, по крайней мере, названное соображение не было определяющим. Когда я спросил тебя, почему ты обратился именно ко мне, ты упомянул несколько основа-

тельных причин. Среди них было, к примеру, и то, что, по твоему мнению, отношение к юридическим вопросам и к работе адвоката у нас примерно одинаково. Для меня, как и для тебя, важен клиент в целом, а не только тот вопрос, по которому он обращается ко мне. И потому мне нужно знать твое психологическое состояние, Эли. Это поможет мне решить, что я могу тебе посоветовать, а что нет. И до какой степени мне следует уговаривать тебя принять то или иное решение, которое на данный момент мне представляется наиболее рациональным.

– Мое психологическое состояние подобно морскому приливу. В настоящее время оно скорее... агрессивное, нежели оптимистическое. Я устал, Нил, тащить за собой эту цепь с ядром. Достали сожаления по поводу того, что у меня было раньше, хотя я уже точно и не знаю, нужно оно мне сейчас или нет. Устал от ожидания, от того, что не могу совершить какой-то решительный поступок. Возможно, мое нынешнее состояние несколько лучше того, что было месяц назад, когда я в буквальном смысле слова скользил по склону в пропасть. Но ведь если я больше и не скольжу вниз, вперед я все равно не продвигаюсь.

– Я понял тебя.

– Знаешь, я ничего не могу поделать с тем, как родители Линдси, или кто бы то ни было другой, относятся ко мне и что они обо мне думают. По крайней мере, до тех пор, пока истинный убийца Линдси не будет найден, арестован и не предстанет перед судом. Но даже в этом случае, несомненно, останутся те, кто будет думать, что мне удалось ловко выскользнуть из сетей правосудия. Приходится смириться.

Нил еще отхлебнул кофе и кивнул:

– Да, конечно.

Эли неожиданно вскочил с кресла.

– Мне нужно самому знать, – убеждал он, меряя шагами кабинет. – Она была моей женой. И не имеет значения, что мы больше уже не любили друг друга, если вообще между нами когда-нибудь была любовь. Плевать, что она обманывала меня и что я хотел разорвать наш брак и больше никогда ее не видеть. Она была моей женой, мне важно узнать, кто был тот человек, что проник в наш дом и убил ее.

– Мы можем снова обратиться за помощью к Карлсону.

Эли отрицательно покачал головой:

– Нет, я думаю, он сделал все, что мог. Вряд ли от него можно ожидать новых подходов. Мне нужен свежий человек, человек с нестандартным взглядом на это дело, кто начал бы все с самого начала. Я вовсе не говорю, что недоволен работой Карлсона. Его цель состояла в том, чтобы отыскать основания для сомнений в моей виновности. Нынешнее расследование требует нового непредубежденного взгляда. Теперь нужно искать настоящего преступника.

Нил делал в своем блокноте какие-то пометки.

– Значит, вернуться к исходной точке, снова начать расследование и снова рассматривать тебя в качестве одного из подозреваемых?

– Именно. Детектив, которого мы найдем, должен внимательно изучить и мое поведение, не делая никаких скидок. Мне нужна женщина.

Нил улыбнулся:

– Не одному тебе.

Усмехнувшись, Эли снова сел.

– Мне – на протяжении последних восемнадцати месяцев.

– Неудивительно, что ты так дерьмово выглядишь.

– Кажется, кто-то говорил, что я стал выглядеть немного лучше.

– Да, конечно, но только теперь можно по-настоящему понять, в каком тяжелом состоянии ты был. Ты на самом деле хочешь, чтобы твое дело вела женщина-сыщик?

– Мне нужна умная, опытная и ответственная женщина-сыщик. С которой друзья Линдси стали бы общаться с большей готовностью и были бы более открыты, чем с Карлсоном. Как

мы, так и полиция пришли к одинаковому выводу: Линдси либо сама впустила убийцу в дом, либо он открыл дверь собственным ключом. Дверь цела, никаких следов взлома, ничего не повреждено. И после того как она пришла домой в половине пятого и набрала код для открытия двери, в следующий раз код был набран только мной в половине седьмого. Убийца напал на нее сзади, значит, она повернулась к нему спиной. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что она его не боялась. Не было никакой борьбы, никаких признаков ограбления, даже инсценированного. Она знала убийцу и не боялась его. У Зюскинда есть алиби, но что, если он не был единственным ее любовником, а просто последним?

– Мы копали в этом направлении, – напомнил ему Нил.

– Значит, надо проверить еще раз, внимательнее, не торопясь, исследовать все возможные боковые ходы. Пусть в полиции тоже не закрывают мое дело и продолжают собирать улики против меня. Ничего страшного, Нил. Я не убивал ее, и они уже исчерпали все свои ресурсы, пытаюсь доказать мою вину. Больше я не стремлюсь добиться закрытия этого дела за недоказуемостью вины. Теперь я хочу знать истину и окончательно разделаться с преступником.

– Хорошо. Я кое-кому позвоню.

– Спасибо. И, кстати, относительно частных детективов. Кто такой Кирби Дункан?

– Я уже дал задание собрать его досье. – Нил встал, подошел к своему столу и потянулся за папкой. – Можешь взять ее. Вот основные факты. У него собственная фирма и репутация человека, способного на крайне рискованные действия, но официально его к ответственности пока никто не привлекал. Он восемь лет прослужил в полиции, в Бостонском управлении, и у него там сохранилось много связей.

Пока Нил говорил, Эли открыл папку и пробежал глазами кое-какие документы.

– Насколько я понимаю, его наняла семья Линдси, но он производит впечатление легкой сошки, слишком незначительная личность для них, слишком примитивная. – Внимательно вчитываясь в подробности, Эли пытался отыскать какую-то другую зацепку или другое объяснение. – Я бы подумал, что они выберут кого-то более значительного, более крупную и известную фирму, нечто более современное.

– Согласен, но люди ведь могут принимать решения, основываясь на массе самых разных факторов. Возможно, им кто-то посоветовал: друг, знакомый, коллега, родственник.

– Кстати, я не могу представить, кто его мог нанять, кроме семьи Линдси.

– Их поверенный ничего не подтверждает и не опровергает, – заметил Нил. – На данном этапе он не обязан раскрывать какую бы то ни было информацию. Дункан был полицейским. Вполне возможно, что они с Вулфом знают друг друга, и Вулф решил сделать на него ставку. Мне он, конечно, ничего не скажет.

– Что-то не очень на него похоже, но... Кем бы ни был клиент Дункана, мы не можем запретить ему собирать обо мне информацию в Виски Бич. Законов, запрещающих подобные методы расследования, не существует.

– Но и тебя никто не может заставить идти с ним на контакт. И это не означает, что наш собственный детектив не может задавать о нем вопросы и собирать информацию и что мы не можем распространить слух о нашем параллельном следствии и о нашем собственном детективе, собирающем сведения, в том числе и о Дункане.

– Да, – согласился Эли, – пора разворошить это осиное гнездо.

– В данный момент Пьемонты пытаются устроить шум и с его помощью поддерживать сомнения в твоей невиновности, привлечь внимание СМИ к делу их дочери – те самые СМИ, которые в последнее время значительно охладели к нему, и, естественно, держать его в центре внимания общественности. Дополнительный эффект названных усилий – то, что твоя жизнь становится все более невыносимой. Поэтому нет ничего удивительного в том, что они приняли решение нанять частного детектива.

– То есть таким способом они пытаются окончательно затрахать меня.

– Грубо говоря, да.

– Пусть. Хуже того, через что я прошел, уже не будет. Я справился. И это преодолею. – Эли ощутил уверенность, что не просто переживет новое испытание, но именно справится с ним. – Теперь я больше не буду смиренно стоять у столба, пока они будут пронзать меня стрелами. Не дождутся! Они потеряли дочь, и я им искренне сочувствую, но из попытки раздавить меня у них теперь ничего не выйдет.

– Значит, если их адвокат выступит с предложением о компромиссном урегулировании, с нашей стороны должно прозвучать громкое «нет»?

– Решительное «идите вы к такой-то матери»!

– Ты явно идешь на поправку.

– Большую часть прошлого года я провел как будто в каком-то тумане. Шок, чувство вины, страх... Всякий раз, когда менялось направление ветра и небо надо мной немного расчищалось, единственное, что я мог различить на своем пути, была какая-нибудь новая ловушка. Я еще не вышел из окутывавшего меня тумана и боюсь, что он может накатить новой волной и задушить меня, но именно сейчас, сегодня, я хочу, рискуя оказаться в одной из таких ловушек, выбраться, черт возьми, из тьмы, которая меня почти поглотила, и вдохнуть наконец свежего воздуха.

– Хорошо, – Нил постучал серебряной ручкой «Монблан» по своему блокноту. – Давай обсудим стратегию.

Когда Эли наконец вышел из офиса Нила, он решил пройтись по центру Бостона. Ему хотелось разобраться в своих ощущениях, вызванных возвращением в город, пусть даже на один день. Но он не мог. Здесь все казалось ему таким знакомым и вызывало спокойствие. В первых зеленых травинках, пробивавшихся сквозь стылую зимнюю почву под действием весеннего солнца, чувствовалась надежда и жажда жизни.

Люди не пытались спрятаться от ветра – сегодня он был не слишком сильный, – сидя на скамейках в парке, они перекусывали, гуляли так же, как и он, или куда-то спешили по делам.

Ему нравилось здесь жить, Эли прекрасно это помнил. В городе его не оставляло ощущение чего-то родного, знакомого, правильного. И если бы у него возникло сейчас желание совершить основательную прогулку, он мог бы пройти отсюда к тем офисам, где когда-то вот так же, как сегодня Нил с ним, Эли сам беседовал со своими клиентами, разрабатывал с ними стратегию защиты.

Эли знал, где можно выпить приличный кофе, где быстро и вкусно перекусить или, наоборот, посидеть подольше за кружкой пива. У него были здесь свои любимые бары, свой личный портной, ювелир, у которого он чаще всего покупал подарки для Линдси.

Теперь все это стало таким чужим и ненужным. Он стоял, смотрел на яркую зелень готовых распуститься нарциссов и вдруг осознал, что больше не жалеет о прошедшем. Или, по крайней мере, терзается не так остро, как прежде.

Он нашел какую-то парикмахерскую, в которой не стал стричься, а просто попросил подравнять ему волосы, затем купил тюльпаны для бабушки. Перед тем как вернуться в Виски Бич, Эли решил забрать оставшуюся в его квартире одежду. Теперь он с предельной серьезностью относился к реанимации той части своей жизни, которая заслуживала возобновления, обо всем остальном с этой минуты он решил забыть.

К тому моменту, когда Эли припарковал машину перед шикарным домом из красного кирпича на Бикон Хилл, солнце уже скрылось за облаками. Он подумал, что громадный букет лиловых тюльпанов поможет развеять сумрак. Вылезая из машины, он с немалым трудом пытался удержать в обеих руках по букету: в одной – тюльпаны, в другой – большую вазу с гиацинтами, любимыми цветами матери.

Эли был вынужден признать, что поездка, встреча с адвокатом и прогулка утомили его больше, чем он ожидал. Но ему не хотелось, чтобы его родственники это заметили. Может быть, так разрушающе на него подействовало внезапное ухудшение погоды, но, несмотря ни на что, Эли пытался удержать в душе надежду, которая зародилась у него во время прогулки по центру города.

Когда он подходил к двери, она распахнулась ему навстречу.

– Мистер Эли! Добро пожаловать домой, мистер Эли!

– Кармел!

Если бы руки у него были свободны, он, наверное, заключил бы свою старую экономку в объятия. Вместо этого ему пришлось наклониться и поцеловать в щеку.

– Ты слишком похудел, Эли.

– Знаю.

– Я попрошу Элис сделать тебе сандвич. И ты обязательно его съешь.

– Слушаюсь, мэм!

– Какие красивые цветы!

Эли вытащил из букета один тюльпан:

– Это вам.

– Какой ты замечательный, Эли, какой заботливый. Проходи, проходи в дом. Мама скоро вернется, а отец обещал прийти к половине шестого, поэтому, даже если ты не останешься на ночь, вы все равно встретитесь. Но ты же задержишься, я надеюсь, и поужинаешь с нами. Элис готовит гуляш и ванильный крем-брюле на десерт.

– Ну, что ж, мне, наверное, следует и ей подарить тюльпан.

Широкое лицо Кармел осветилось улыбкой, но только на мгновение, так как тут же ее глаза наполнились слезами.

– Не надо плакать. – Он снова заметил ту боль и печаль, которые видел на лицах близких ему людей со времени гибели Линдси. – Все будет хорошо.

– Конечно. Я нисколько не сомневаюсь. Ну, вот, а теперь давай куда-нибудь поставим эту вазу.

– Цветы – для мамы.

– Ты хороший мальчик. Ты всегда был хорошим мальчиком, даже когда шалил. Кстати, на ужин придет и твоя сестра.

– Мне следовало купить больше цветов.

– Проходи! – Кармел смахнула слезы и рукой показала в глубь дома. – Отнеси эти цветы бабушке. Она наверху у себя в гостиной, наверное, сидит за компьютером. Ее невозможно от него оторвать, пропадает в Интернете днями и ночами. Я принесу тебе сандвич и вазу для тюльпанов.

– Спасибо. – Эли глянул в сторону широкой и изящной лестницы. – Как она?

– Идет на поправку. С каждым днем все лучше. По-прежнему мучается из-за того, что никак не может вспомнить, что же произошло в тот день. Но в целом, гораздо лучше. Она будет очень рада увидеть тебя.

Эли поднялся по лестнице и наверху повернул в правое крыло.

Кармел была права, его бабушка сидела за рабочим столом и что-то печатала на ноутбуке.

Спина прямая, плечи под зеленым кардиганом расправлены, сразу же отметил Эли. Темные волосы с проседью изящно уложены.

Не признает никаких ходунков, подумал он, покачав головой, но у стола заметил трость с серебряным набалдашником в форме львиной головы.

– Снова занимаешься демагогией?

Он подошел к ней сзади и прижался губами к ее макушке. Эстер взяла его за руку:

– Я всю жизнь просвещаю, наставляю на путь истинный. И не намерена прекращать это теперь. Дай-ка я погляжу на тебя.

Она повернула кресло к нему лицом. Ее глаза орехового цвета оценивали его без всяких скидок, вполне критически. Затем губы Эстер растянулись в улыбке.

– Ну, что ж, Виски Бич идет тебе на пользу. Ты все еще слишком худой, но уже не такой бледный, как прежде, не такой печальный. Вижу, ты принес мне напоминание о скором приходе весны.

– Спасибо Эйбре. Она подсказала мне купить их.

– И ты проявил достаточную сообразительность, чтобы в данном случае последовать ее совету.

– О, эта женщина принадлежит к той части рода человеческого, которая почти никогда не считает слово «нет» ответом. Думаю, что именно за это она тебе и нравится.

– В том числе и за это, – ответила Эстер, и потянулась к нему, и крепко сжала руку Эли. – Ты выглядишь значительно лучше, мой мальчик.

– Только сегодня.

– Но и это уже очень много. Сядь. Ты такой чертовски высокий, что я вывихну шею, если буду все время вот так на тебя смотреть. Садись и расскажи мне по порядку, чем ты сейчас занимаешься.

– Работаю, сокрушаюсь о прошлом, жалею себя иногда. Наконец-таки я понял, что работа – то единственное среди всех названных занятий, что позволяет мне оставаться самим собой. Поэтому я решил найти какой-нибудь способ избавиться от необходимости слишком часто размышлять над своей печальной судьбой и загибаться от жалости к себе.

Эстер улыбнулась с явным удовольствием от услышанного.

– Ну, вот. Теперь я слышу снова своего истинного внука.

– А где твои ходунки?

На лице Эстер появилось высокомерное выражение.

– Я отказалась от них. Врачи вставили в меня столько всяких спиц, столько всяких медицинских приспособлений, что их хватило бы на то, чтобы спустить на воду боевой корабль. Физиотерапевт работает со мной, как сержант с новобранцем. И если я способна выдержать такое, значит, могу обойтись и без всяких там старушечьих ходунков.

– Ты больше не чувствуешь боли при ходьбе?

– Время от времени, но значительно реже, чем раньше. Я бы сказала, что примерно так же, как и ты. Им не удастся нас сломить, Эли.

Эстер тоже похудела, как из-за того несчастного случая, так и из-за долгого и тяжелого лечения. На лице у нее появилось больше морщин. Но глаза оставались такими же яркими и пронизательными, как и прежде, что было очень важно для Эли.

– Признаюсь, я тоже начинаю в это верить.

Пока Эли беседовал с бабушкой, Дункан остановил машину неподалеку от дома на Бикон Хилл и осмотрел здание через мощные линзы своего фотоаппарата. Затем опустил его и вытащил блокнот, чтобы записать события дня.

Придется подождать, подумал он.

Глава 7

Скука – неизбежная часть его профессии. Кирби Дункан ссутулился на сиденье своего выдавшего лучшие дни седана и, чтобы чем-то занять себя, принялся грызть морковку. У него недавно появилась новая женщина, и желание быть в хорошей сексуальной форме поставило его перед необходимостью сбросить как минимум десяток лишних фунтов. Пока что ему удалось избавиться всего от двух.

За последние два часа он только раз сдвинулся с места и сейчас намеревался сделать то же самое. Инстинкт подсказывал ему, что Лэндон в данный момент где-то застрял, скорее всего, на семейном ужине, судя по тем снимкам, которые удалось сделать: его матери, отца и предположительно сестры с мужем и их трехлетним ребенком. Но его главная работа – следить за Лэндоном, и ради этого он готов торчать часами на одном месте.

Дункан проследовал за «объектом» до самого Бостона – дело нехитрое, даже с учетом транспортного потока, – до здания, в котором располагался офис его адвоката. Там Дункан смог даже прогуляться вокруг машины своего «подопечного» и осмотреть ее. Ничего особенного.

Спустя полтора часа, следуя за Лэндоном, он объехал вокруг Коммонз, после чего, плотно сев ему на хвост, проследовал до дорогой парикмахерской, где подождал, пока Лэндон подстрижется. Сказать по правде, он плохо понимал, в чем разница между обычной стрижкой и стрижкой, за которую нужно выложить лишний полтинник. Но, как говорится, каждому свое.

После парикмахерской Лэндон остановился возле цветочного магазина, откуда вышел с огромным букетом. Не иначе как, прежде чем проведать родственников, решил сделать в городе кое-какие дела. Так, обычную ерунду. Опять-таки, насколько понял Дункан, Лэндон только и делал, что тратил время на пустяки и всякие мелочи. Если этот тип и вправду укокошил собственную жену и это сошло ему с рук, не похоже, чтобы он спешил продемонстрировать свою радость по этому поводу.

Собранное на данный момент досье было более чем скромным. Несколько прогулок его «подопечного» по пляжу, встреча с обольстительной особой, что присматривает за домом, и еще с одной женщиной. Эта последняя крепко обняла Лэндона, но, как выяснилось, была верной женой и преданной матерью троих детей.

Между Лэндоном и приходящей уборщицей явно что-то было, но вот что? Это удастся понять лишь после возвращения «объекта» в дом на берегу моря.

И все же изучение ее прошлого давало основания полагать, что Эйбра Уолш питала слабость к личностям, склонными к насилию, что делало Лэндона идеальным партнером. Если, конечно, он действительно разможил голову своей жене, в чем лично Дункан сильно сомневался. Возможно, Лэндон – ее очередное увлечение. Но это не давало никаких зацепок. Более того, ничуть не приближало к ответу на мучивший его вопрос: связывало ли эту парочку что-то до убийства или нет.

Собранные им скудные сведения опровергали как подозрения нанявшего его клиента, так и его старого знакомого Вулфа, лучшего бостонского копа. Эти двое ничуть не сомневались, что именно Лэндон раскрыл череп своей жене. Увы, чем дольше Дункан наблюдал за ним, тем более невиновным ему казался этот засранец.

Чтобы выудить нужную информацию, Дункан попытался подобраться к знойной домоправительнице напрямую и, более опосредованно – к портье в гостинице и парочке других людей. С ними он повел себя как обычный турист, с невинным видом расспрашивая о большом доме на берегу, его истории и владельцах.

Ему удалось кое-что узнать о состоянии, сколоченном на торговле спиртным в дни «сухого закона». Впрочем, ему поведали не только об этом. Рассказали также об украденных

драгоценностях, спрятанных давным-давно в тайниках, о семейных скандалах, домашних привидениях, героях и негодях и о совсем недавнем скандале с Эли Лэндоном.

Самым ценным источником этих сведений стала продавщица из магазина подарков. Эта особа охотно потратила полчаса мрачного пасмурного дня на треп с покупателем, оставившим в магазине небольшую сумму. Сплетницы всегда были лучшими друзьями частного сыщика, а Хизер Локаби оказалась разговорчивой дамочкой.

И, главное, она сочувственно отзывалась об Эли. По ее словам, покойная жена была особой заносчивой и вздорной, она не смогла даже выкроить время, чтобы навестить престарелую бабушку Эли. Хизер слишком увлеклась, рассказывая о падении Эстер Лэндон с лестницы, но Дункан наводящими вопросами вернул ее словесный поток в нужное ему русло.

Если верить болтливой Хизер, Лэндон не испытывал недостатка в женском внимании – ни в летние месяцы, ни в свои приезды в Виски Бич, ни в молодости, когда ему было двадцать с небольшим лет. Ему нравились вечеринки, пить пиво в местных пивных и гонять по окрестностям в своем кабриолете.

По признанию той же Хизер, никто не предполагал, что он остепенится и женится еще до того, как ему стукнет тридцать. Об этом ходило немало досужих разговоров, которые быстро прекратились, как только выяснилось, что никакой беременности нет и в помине.

Увы, вскоре стало ясно, что в раю что-то не так. Эли уже больше не привозил супругу в Блафф-Хаус, а затем и сам перестал приезжать в эти края. Когда пошли слухи о разводе, никто не удивился, даже глазом не моргнул.

Кроме того, Хизер раньше всех догадалась, что у его холодной как рыба жены приключилась любовная интрижка. Чему тут удивляться? Лично она нисколько не винила Эли, что тот в припадке ярости набросился на изменницу. И даже если он ее убил, – нет, сама Хизер даже минуту так не думала, – это могло произойти лишь по чистой случайности.

Дункан не стал спрашивать продавщицу, почему несколько ударов кочергой по затылку следует считать несчастным случаем. Он и без того угрожал двести пятьдесят долларов на покупку ненужной ему ерунды, лишь бы только разговорить ее, а ведь она практически не сообщила ему ничего полезного.

И все же, довольно любопытно, подумал он, что кое-кто из местных жителей уверен в виновности Лэндона. Как известно, подозрения подчас открывают двери. И он постучится в них через несколько дней и в конечном итоге заработает долгожданный гонорар.

Но на сегодня хватит, он прекращает слежку. Или, по крайней мере, нужно сделать перерыв, чтобы посетить туалет. Дункан поерзал на сиденье, чувствуя, как от долгого сидения занемела задница. Неожиданно зазвонил мобильник.

– Дункан, – ответил он и выпрямился, узнав голос клиента. – В данный момент я нахожусь неподалеку от дома его родителей на Бикон Хилл. Сегодня утром он приехал в Бостон. Я подготовлю для вас отчет...

Клиент не дал договорить, обрушив на него залп вопросов. Дункан снова поерзал.

– Да, верно. Он пробыл в Бостоне весь день, встретился со своим адвокатом, подстригся, купил цветы. – Клиент оплатит счета, напомнил себе Дункан, внося время звонка в записную книжку. – Семья его сестры приехала примерно полчаса назад. Похоже, это какое-то семейное торжество. Судя по времени дня, торжественный ужин. Скорее всего, этим день и закончится... да, если вы этого хотите. Могу сделать это.

Любой каприз за ваши деньги, подумал Дункан и мысленно настроился на долгий и скучный вечер.

– Я свяжусь с вами, когда он выйдет.

Телефон щелкнул и отключился. Дункан покачал головой. Клиент все оплатит, снова подумал он и потянулся за очередной морковкой.

* * *

Хотя он отсутствовал всего несколько недель, ощущение было такое, будто его не было дома сто лет. В большом камине, перед которым грелась старая собака Сэди, потрескивали горящие поленья. Все собрались в гостиной, заставленной старинной мебелью и антиквариатом. Повсюду семейные фото в рамках. В изящной вазе на пианино красные лилии. Здесь и раньше, до того, как жизнь Эли превратилась в ад, члены его семьи сидели за большим столом, мирно беседовали, пили вино.

Даже бабушка не стала возражать, когда он на руках снес по лестнице вниз и усадил ее в любимое кресло-качалку, и принялась болтать о пустяках, как будто ничего не случилось.

Наверное, помогло присутствие ребенка. Хорошенькая, как куколка, стремительная, как молния, трехлетняя Селина заполнила комнату своей неумной энергией. Малышка потребовала, чтобы дядя Эли поиграл с ней. Что делать? Пришлось сесть на пол и помочь племяннице выстроить из кубиков замок для куклы-принцессы.

Такое простое, такое обычное занятие, но оно почему-то напомнило ему о том, что и он когда-то мечтал о собственных детях. Кстати, родители сегодня тоже чуть повеселее, как тогда, когда несколько недель назад он уехал в Виски Бич. Но свалившиеся на него неурядицы сказались и на них. На лице отца залегли глубокие морщины. Кожа на лице матери сделалась болезненно прозрачной.

Но они так и не дрогнули, подумал он. Молодцы.

– Хочу накормить эту заигравшуюся девочку, – сказала сестра Эли и, положив руку на плечо мужа, встала. – Дядя Эли, надеюсь, ты поможешь мне усадить эту проказницу за стол?

– Разумеется.

Не выпуская кукол, Селина подняла руки и, одарив его неотразимой улыбкой, позволила взять себя на руки и отнести на кухню.

Огромной плитой управляла широкоплечая Элис.

– Проголодались, верно?

Селина тут же высвободилась из рук дядюшки и с распростертыми объятиями бросилась к кухарке.

– Вот она, моя принцесса, я поймала ее, – проворковала Элис, усаживая Селину себе на колени. – Малышка может поесть вместе со мной, за компанию, – сказала она, обращаясь к Триши. – И Кармел тоже. Я сказала ей, что маленькая принцесса теперь в нашем полном распоряжении. Для остальных ужин будет на столе минут через сорок.

– Спасибо, но если она станет вам мешать...

– Мешать? – Элис театрально закатила глаза, что должно было одновременно означать ужас и удивление. – Да вы только посмотрите на это ангельское личико!

Улыбающаяся Селина обняла повариху за шею и шепнула:

– Печенья дашь?

– После ужина, – шепнула в ответ Элис. – С нами все будет в порядке, успокойтесь, – заверила она Тришу.

– Веди себя хорошо, – велела дочери Триша и взяла брата за руку. Шесть футов роста, сильное тренированное тело и стальная воля оказались весьма кстати. Она легко, как пушинку, выдернула Эли из кухни и увлекла за собой в гостиную, откуда они перешли в библиотеку. – Хочу минутку поговорить с тобой.

– Я тебя понял. Можешь даже не спрашивать. Отвечаю, со мной все в порядке. Все в полном порядке, так что...

– Постой-ка.

В отличие от своей мягкой и сдержанной матери, которая всегда отличалась дипломатичностью, Триша явно пошла в деда, Эли-старшего, – властного, прямолинейного, строгого.

Именно поэтому она в данное время и возглавляла корпорацию «Лэндон виски».

– Мы стараемся говорить о чем угодно, но только не о том, что произошло и что происходит, как ты со всем этим справляешься. Все это прекрасно, но теперь мы с тобой наедине, говорим с глазу на глаз. Никакой электронной почты, которую легко отредактировать. Скажи мне честно, Эли, что с тобой происходит?

– Работаю над книгой. Совершаю прогулки по берегу моря. Регулярно питаюсь, потому что для меня теперь готовит бабушкина домоправительница.

– Эйбра? Она прелесть, ты согласен?

– Нет. Но она занятная.

Удивленная его ответом, Триша присела на подлокотник обтянутого кожей кресла.

– Помимо всего прочего, мне приятно это слышать, Эли. Судя по всему, ты понемногу приходишь в нормальное состояние. Но если это так, если с тобой все в порядке, то зачем тебе понадобилось приезжать в Бостон?

– Разве я не могу съездить сюда и повидаться с семьей? Я что, не имею такого права?

Сестра вскинула вверх палец. Этот жест сильно напомнил Лэндону повадки их деда.

– Не увиливай от вопроса. Ты не собирался возвращаться до Пасхи и все же прикатил. Давай выкладывай, в чем дело.

– Да нет здесь ничего особенного! Какие могут быть секреты. Захотел увидаться с Нилом, поговорить с глазу на глаз. – Эли бросил взгляд на дверь. – Послушай, не хочу расстраивать родителей. Насколько я понимаю, сейчас им немного легче. Пьемонты затевают возню, требуют нового разбирательства, пересмотра дела.

– Чушь это все, полная чушь. Самый что ни на есть беспримесный образец психологического давления. Эли... послушай, тебе действительно нужно поговорить с Нилом. – Произнеся последнее слово, Триша вздохнула. – Впрочем, ты уже говорил. И что же он думает?

– Считает это пустой суетой, во всяком случае, в данный момент. Я посоветовал ему нанять нового детектива, причем на этот раз подыскать женщину.

– Узнаю тебя прежнего, – констатировала Триша.

– Господи, Триша, вот только этого не надо!

– Это не то, что ты думаешь... Тут другое дело. Гормоны. Признаюсь тебе, я беременна. Я сегодня утром расплакалась, напевая вместе с Сэлли детскую песенку «Колеса автобуса».

– Ух ты! – Эли почувствовал, что расплывается в радостной улыбке. – Это же здорово!

– Нет, это чудесно! Мы с Максом в восторге. Мы пока еще никому не говорили, но мне кажется, мама догадывается. У меня пока всего семь недель. – Она заправила пряди волос за уши. – Я полагаюсь на Макса. Мы всем расскажем за ужином. Хороший повод отпраздновать такую добрую весть.

– И перевести всеобщее внимание с моей скромной персоны на другую тему.

– И это верно. Так что не говори, что я о тебе не забочусь. – Триша встала и обняла брата. – Я отвлеку от тебя внимание окружающих, если ты пообещаешь больше не писать мне таких туманных электронных писем. Если у тебя плохи дела, говори мне об этом прямо, открытым текстом. Ну а если захочешь в скверный для тебя день увидаться со мной, я всегда могу договориться и приехать к тебе вместе с Сэлли. На пару дней точно смогу к тебе вырваться. Так что тебе не придется быть одному.

А ведь она так и сделает, подумал Эли. Триша все перетасует, переиначит, переделает – она в этом мастак – и обязательно выполнит все, что обещала.

– Я прекрасно справляюсь со всем сам, так что не надо обижаться. Я уже давно этому научился.

– Все равно, предложение остается в силе. Мы не будем ждать приглашения, если этим летом ты будешь там. Просто возьмем и приедем. К тому времени я буду плавать как кит, и все будут танцевать вокруг меня.

– Удачное сравнение.

– Хотела бы я послушать тебя, что ты скажешь, когда будешь таскать на себе лишние двадцать фунтов веса и постоянно думать о растяжках. Возвращайся в гостиную. А я пока посмотрю, как там Селина. Готова поспорить, эта проказница уломала мягкосердечную Элис и та угостила ее печеньем перед едой.

* * *

В девять часов вечера Эйбра закончила занятие йогой, устроенное у нее дома. Пока ее подопечные скатывали коврики, она потянулась за бутылкой воды.

– Извини, что я немного опоздала, – произнесла Хизер. – Только сейчас справилась с делами.

– Нет проблем.

– Жаль, что я пропустила упражнение разминки. Оно всегда помогает мне. – Хизер сделала выдох, сопроводив этот процесс соответствующим жестом обеих рук. Эйбра невольно улыбнулась.

Хизер в своем репертуаре, подумала она. Такую ничто не выбьет из колеи. Эта особа наверняка трещит без умолку даже во сне, как то было на протяжении всего часового сеанса массажа.

– Я выбежала из дома как сумасшедшая, – продолжала докладывать Хизер. – Кстати, я не заметила рядом с Блафф-Хаусом машины Эли. Ее точно там не было. Только не говори мне, что он уехал обратно в Бостон.

– Не буду.

Не желая уходить сразу, Хизер медленно застегнула «молнию» на куртке.

– Я просто спросила. Это такой большой дом. Все принадлежит Эстер, если ты понимаешь, о чем я. Могу себе представить, что думает на этот счет Эли.

– Вообще-то я ничего такого не заметила.

– Я же знаю, ты видишься с ним, когда приходишь убирать в его доме. Просто теперь, когда у него столько свободного времени, он явно не знает, чем себя занять. Это вредно для здоровья.

– Хизер, он пишет роман.

– Да, я знаю, что он так говорит. Или так люди говорят с его слов, но ведь он был адвокатом. Что может адвокат знать о том, как пишутся романы?

– Не могу тебе сказать. Об этом лучше спросить Джона Гришэма⁵.

Хизер открыла было рот, чтобы добавить что-то еще, но передумала.

– Пожалуй, ты права. Но все-таки...

– Хизер, похоже, что сейчас пойдет дождь, – сказала, подойдя к ним, Грета Пэрриш. – Не подкинешь меня до дома? Чувствую себя неважно, как будто простыла и вот-вот заболею.

– Какие могут быть вопросы! Только пойду заберу свой коврик.

– Еще бы, – произнесла Грета, когда Хизер вышла.

– Спасибо, ты меня выручила. – С этими словами она с благодарностью пожала Грете руку и поспешила прочь, собирать коврики.

⁵ Джон Гришэм – американский писатель, автор бестселлеров («юридических» триллеров).

Наконец дом опустел, и Эйбра удовлетворенно вздохнула. Ей нравилось проводить занятия йогой дома, нравилась интимная атмосфера, непринужденные разговоры до и после занятий. Но были другие времена...

Наведя порядок на застекленной террасе, она поднялась наверх, надела свою любимую пижаму – белые овечки, резвящиеся на розовом фоне, – и снова спустилась по лестнице.

Осталось только налить себе белого вина, разжечь огонь в камине и устроиться перед ним с книжкой в руках. По крыше тем временем забарабанил дождь и заставил ее улыбнуться.

Дождливый вечер, огонь в камине, бокала вина...

Дождь. Черт побери, неужели она забыла закрыть окна в Блафф-Хаусе?

Да нет же, закрыла. О таких вещах не забывают...

Или все-таки забыла? Все до единого? И в спортивном зале Эстер тоже?

Эйбра зажмурилась и мысленно попыталась представить, как она закрывает в доме окна. Однако вспомнить, все ли окна она закрыла, так не удалось. Ее мучили на этот счет большие сомнения.

– Черт, черт, черт!

Она не успокоится, пока лично не убедится, что все окна закрыты. На это уйдет всего несколько минут. В любом случае она сможет чуть раньше приготовить рагу из индейки. Она захватит с собой коробку с едой для Эли.

Эйбра вытащила из холодильника еду, стянула носки и сунула ноги в старые сапожки-угги. Затем прямо на пижаму натянула куртку, схватила шапку и, нахлобучив ее на голову, бросилась к стоявшей возле дома машине.

– Пять минут, максимум десять, и я снова буду дома и вернусь к моему бокалу вина.

С этими словами она покатила в сторону Блафф-Хауса, несколько не удивившись раскатам грома. В конце марта небесная канцелярия способна на любое погодное безумие. Ночью гроза. Снег, холод, а наутро тепло и солнечно. Всякое бывает!

Она покатила вперед сквозь пелену дождя. Подъехав к дому, бегом бросилась к двери, держа в одной руке ключ, в другой – коробку с индейкой.

Закрыв бедром входную дверь, так как руки были заняты, Эйбра потянулась и нащупала выключатель.

– Вот это здорово! Вот это сюрприз! – пробормотала она, когда в холле так и не вспыхнул свет. Она слишком хорошо знала, чтобы бывает в грозу с электричеством как в Блафф-Хаусе, так и во всей деревне. Щелкнув фонариком-карандашом, прицепленным к связке ключей, она последовала за тонким, как нитка, лучиком света на кухню.

Она проверит окна, затем позвонит в электрическую компанию и сообщит о перебое в энергоснабжении. Почему-то не сработал запасной генератор. Причем в очередной раз. А ведь она говорила Эстер, советовала ей заменить этого допотопного монстра на новый. Что та будет делать, если генератор надолго выйдет из строя? Ведь, по ее словам, такое уже случилось, и не раз.

На кухне она вытащила из буфета фонарик побольше. Наверное, следует спуститься в подвал и проверить генератор. Она, конечно, точно не знает, что именно нужно проверить, но все же.

Эйбра шагнула к двери, но затем остановилась. Там темно, холодно и, скорее всего, сыро. Вдруг там еще и пауки? Впрочем, их там может и не быть.

Нет, она просто оставит записку для Эли. Если он ночью вернется, а в доме не будет света и тепла, то сможет переночевать у нее, на диване. Но сначала она все-таки проверит окна.

Эйбра поспешила наверх. Естественно, окно, про которое она думала, было закрыто. Теперь она вспомнила, что закрыла его на шпингалет. Эйбра спустилась по лестнице вниз и свернула в сторону кухни. Она не боялась темноты, но ей хотелось поскорее оставить этот огромный, темный и пустой дом и вернуться к себе.

Снова прогремел гром, который на этот раз заставил ее вздрогнуть. Она заставила себя улыбнуться собственному испугу. А в следующий миг кто-то схватил ее сзади, и она выпустила из рук фонарик. На мгновение ею овладела паника. Эйбра тщетно попыталась высвободиться, отодернуть руку, которой нападавший сдавил ей горло.

Она представила себе, как он сейчас приставит ей к горлу нож, как острое лезвие скользнет по ребрам... Из ее горла вырвался животный вопль ужаса. Он рвался наружу из самого нутра, сквозь пережатую безжалостной рукой трахею.

У нее перехватило дыхание. Когда же Эйбра попыталась сделать вдох, то почувствовала, что комната как будто качнулась. В следующее мгновение желание остаться в живых взяло верх.

Ткнуть локтем в солнечное сплетение. Наступить на ногу и одновременно нанести удар затылком в лицо невидимому налетчику. Хватка мгновенно ослабла. Развернувшись, она основанием ладони ударила туда, где, по идее, находилось лицо. И чтобы закрепить успех, врезала коленом в пах.

После чего бросилась наутек. Инстинкт подтолкнул ее к двери. Она налетела на нее с такой силой, что стало больно рукам. Выскочив из дома, Эйбра бросилась к машине и, подбежав, вытащила дрожащими руками из кармана ключи.

– Поехали! Поехали! Быстрее!

Буквально запрыгнув в автомобиль, она воткнула в гнездо ключ зажигания. Проскрежедав шинами, машина резко взяла с места.

Эйбра не помнила, как пролетела мимо собственного дома, и надавила на тормоза только перед домом Морин.

Свет. Люди. Безопасность.

Эйбра метнулась к двери, распахнула ее и остановилась, лишь когда увидела друзей, сидящих перед телевизором.

Те моментально вскочили на ноги.

– Полиция, позвоните в полицию! – выдохнула Эйбра, почувствовав, что комната вновь начинает вращаться.

– Ты ранена! На тебе кровь! – воскликнула Морин и бросилась к ней. Майк потянулся за телефонной трубкой.

– Кто, я? Да нисколько! – произнесла Эйбра, осмотрев себя.

Морин схватила ее обеими руками. Кровь на капюшоне толстовки, кровь на пижаме. Не от ножа. Не в этот раз. Не ее кровь.

– Это не моя кровь. Его.

– Боже! Это что, несчастный случай? Сядь!

– Нет, нет! – Это не моя кровь, снова подумала Эйбра. Я спаслась. Я в безопасности. Комната наконец перестала вращаться. – В Блафф-Хаусе на меня кто-то напал. Сообщите полиции, что в Блафф-Хаусе кто-то есть. Он напал на меня. – Эйбра прижала руку к горлу. – Он едва меня не задушил.

– Он ранил тебя, я это вижу. Садись. И ты тоже садись, Майк.

– Копы скоро приедут сюда, – сообщил Майк и, когда Морин усадила ее в кресло, накинул на плечи Эйбры снятое с кровати покрывало. – Ничего не бойся, с тобой все будет в порядке. Здесь ты в безопасности.

– Я принесу тебе воды. С тобой побудет Майк, – сказала Эйбре Морин.

Майк опустил перед ней на колени. Какое у него доброе лицо, подумала Эйбра, чувствуя, как дыхание постепенно приходит в норму. Доброе лицо с черными глазами верного пса.

– Там нет света, – чуть растерянно сказала она.

– Неправда, свет есть.

– Там, в Блафф-Хаусе. Нет электроэнергии. Было темно. Он прятался в темноте. Я его не заметила.

– Все в порядке. Полиция скоро будет здесь. Ничего не бойся.

Эйбра кивнула, глядя Майку прямо в глаза.

– Со мной все в порядке.

– Признайся, он ранил тебя?

– Он... он схватил меня сзади за горло, взял его в замок и, кажется, обхватил меня за талию. Я не могла дышать, у меня закружилась голова.

– Дорогая, на тебе кровь. Можно я тебя осматрю?

– Это его кровь. Я ударила его в лицо. Применила ССНП.

– Что применила?

– ССНП, – повторила Морин, подходя к ним со стаканом воды в одной руке и стаканом виски в другой. – Самооборона. Солнечное Сплетение, Нос, Пах. Эйбра, ты чудо!

– Вот уж вряд ли. Я просто сделала все, что нужно. Должно быть, до крови разбила ему нос. Не знаю, какое тут чудо. Мне удалось вырваться, и я бросилась со всех ног. Убежала и пришла к вам. Мне слегка не по... э-э-э... меня немного подташнивает.

– Выпей водички. Только медленно.

– Не переживайте. Все нормально. Мне нужно позвонить Эли. Он должен знать.

– Ты лишний раз не дергайся, – заверила ее Морин. – Дай мне его номер, и я позвоню ему.

Эйбра сделала глоток воды, затем еще один.

– Номер в моем телефоне. Я не взяла его. Он остался у меня дома.

– Я заберу его. Не волнуйся, я позвоню Эли.

– Я не дала ему ничего сделать со мной. Ему это не удалось. – Эйбра прижала руку ко рту. Из глаз хлынули слезы. – Пока не удалось.

Сев с ней рядом, Морин обняла ее за плечи и стала тихонько раскачивать, как будто убаюкивала маленького испуганного ребенка.

– Извини. Я не хотела.

– Тихо. Успокойся. Ты со мной. С тобой все в порядке.

– Со мной все в порядке. Я должна танцевать. Я еще не развалилась на части, по крайней мере, пока. Я поступила правильно. Он ничего мне не сделал. Я не позволила ему причинить мне вред. Я всего лишь... дала ему сдачи.

– Знаю.

– Я справилась. – Эйбра немного отстранилась и вытерла слезы. – Я сделала все, как надо. Но, ради бога, Морин, ты подумай, кто-то пробрался в Блафф-Хаус. Я не знаю, что ему или им там нужно. Я не заметила там особого беспорядка, вроде бы все на месте, но я заглянула только в спортивный зал и в кухню. Я уже собиралась спуститься в подвал, чтобы проверить генератор, но... Он мог побывать там, в подвале. Он, по всей видимости, и вывел из строя генератор. Света не было, и я...

– Выпей это, – сказала Морин и сунула ей в руку стакан виски. – Маленькими глоточками, медленно-медленно.

– Со мной все в порядке. – Эйбра сделала глоток виски и выдохнула. Спиртное приятно согрело саднящее горло. – Началась гроза, а я не могла вспомнить, закрыла ли я все окна в доме. Меня одолели сомнения, и я поехала, чтобы проверить. Решила, что в доме нет света. Я не видела его, Морин, и не слышала, потому что шел дождь и дул сильный ветер.

– Ты разбила ему в кровь лицо.

Эйбра посмотрела на себя.

– Да, разбила. И слава богу. Надеюсь, я сломала этому подонку нос.

– Я тоже на это надеюсь. Ты вела себя героически, и я горжусь тобой.

– А я тобой. Как ты думаешь, почему я приехала сразу к тебе?

В комнату вернулся Майк.

– Эли скоро приедет, – сообщил он, – а полиция уже на пути в Блафф-Хаус. Потом они приедут сюда, чтобы поговорить с тобой. – Майк подошел к Эйбре и протянул ей толстовку. – Я подумал, что она тебе понадобится.

– Слава богу, Майк. Спасибо. Ты молодец.

– Вот потому я и живу с ним, – сказала Морин и, погладив Эйбру по колену, встала. – Пойду приготовлю кофе.

Когда она вышла, Майк прошел через всю комнату и включил телевизор. Затем сел, отпил из стакана Эйбры виски и улыбнулся.

– Ну, так как сегодня прошел твой день? – спросил он. Эйбра не удержалась и ответила ему смехом.

Глава 8

Дорога из Бостона до Виски Бич заняла у Эли чуть меньше двух часов. Ему удалось вырваться из когтей снежной бури, двигавшейся на юг. Двадцать минут чертовски сложной езды по центру Бостона помогли ему сосредоточиться.

Просто води машину и забудь обо всем, приказал он себе. Не думай о том, что там снаружи, что на дороге. Когда он въехал в деревню, автомобиль окутали клочья тумана. Свет уличных фонарей, преломляясь, отражался в лужах и стекавших в канавы ручейках. Вскоре он вынырнул из полосы света и, как только фасады магазинов и ресторанов остались позади, свернул на дорогу, ведущую к берегу.

Резко вывернув руль, он перед «Смеющейся чайкой» съехал на обочину. Не успел он подойти к узкому переднему крыльцу, как дверь соседнего дома открылась.

– Эли?

Человека, который, натягивая на ходу легкую куртку, зашагал по лужайке ему навстречу, он видел впервые.

– Майк О’Малли, – представился незнакомец, протягивая руку. – Я вас ждал.

Да, конечно, это тот же самый голос, что и по телефону!

– Эйбра...

– Она с нами. – Майк жестом указал на дом. – С ней все в порядке, лишь нервное потрясение. В Блафф-Хаусе сейчас находится пара копов. Возможно, вы захотите поговорить с ними. Я...

– Потом, не сейчас. Я хочу видеть Эйбру.

– Она в кухне, – сказал Майк и повел его в дом.

– Он ранил ее?

– Нет, лишь сильно напугал, – ответил Майк. – Но очень сильно. Он попытался ее душить, так что ей пока трудно разговаривать. Но, похоже, она ему тоже как следует врезала. Он оставил ей несколько синяков, она же расквасила ему нос.

От Эли не скрылась гордость, прозвучавшая в голосе Майка. Наверно, хозяин дома пытается успокоить его. Но он должен увидеть Эйбру своими глазами и лично убедиться, что с ней ничего серьезного. Должен. Обязательно.

Эли услышал ее голос, когда они из уютной гостиной перешли в кухню, дверь которой была распахнута настежь. Эйбра, одетая в просторную толстовку, сидела за столом. На ногах плотные розовые носки. Она подняла голову, и на ее лице он прочел странное выражение сочувствия и одновременно вины. Впрочем, стоило ему опуститься перед ней на колени и взять ее за руки, как она тотчас смутилась.

– Ну что еще? Может быть, ты сейчас из кармана достанешь колечко?

– Замолчи. – Он внимательно осмотрел ее лицо и осторожно прикоснулся к багровым следам на шее. – Где еще он тебя поранил?

– Я не ранена, – ответила Эйбра и в знак благодарности сжала его пальцы. – Я цела и невредима. Он просто напугал меня.

Эли посмотрел на Морин, ожидая от той подтверждения ее слов.

– С ней все в порядке. Не будь я в этом уверена, она бы уже давно загремела у меня в больницу, хочет она этого или нет, – ответила та и, выпрямившись, указала на стоявшие рядом кофейник и бутылку виски. – Что ты будешь? Кофе? Виски? Или и то, и другое вместе?

– Кофе.

– Извини, но нам пришлось позвонить тебе. Прости, что потревожили твою семью... – начала Эйбра.

– Они не встревожились. Я сказал им, что прекратилась подача электричества и мне нужно срочно вернуться и кое-что проверить в доме. В любом случае я намеревался вернуться этим вечером.

– Отлично. Незачем их понапрасну волновать. Я не знаю, пропало что в доме или нет, – продолжила Эйбра. – Полиция сообщила, что вроде бы все на месте, но кто знает? Вот они не позволили мне туда вернуться и посмотреть. Морин, когда в ней просыпается желание кого-то опекать, становится страшно пугливой.

– Если это действительно была кража со взломом и воры что-то забрали, что теперь можно поделать? – спросила Морин, обращаясь к Эли. – Извини. За последние полчаса мы так ничего нового и не узнали. – С этими словами она протянула Эли чашку кофе. Прежде чем Морин предложила ему сахар или сливки, он одним глотком осушил полчашки.

– Я спущусь вниз, поговорю с копами и посмотрю, что там.

– Я пойду с тобой, – заявила Эйбра, видя, что Морин собралась возразить. – Во-первых, я защищалась. Во-вторых, здесь полиция и Эли. В-третьих, я больше других знаю о том, что там и как в доме. Знаю лучше всех, хотя и меньше, чем Эстер. А ее здесь нет.

Она встала и крепко обняла Морин.

– Спасибо. И не только за носки, но и за то, что беспокоишься за меня. Спасибо.

После этого она повернулась к Майку и обняла и его тоже.

– Возвращайся сюда. Ляжешь спать в гостевой комнате, – настойчиво предложила Морин.

– Дорогая, я лишь потому вызвала интерес у этого ублюдка, что оказалась в доме в тот момент, когда он думал, что там никого нет. Он не ожидал, что там буду именно я. Заеду к тебе завтра, обещаю.

– Я должен убедиться, что с вами все в порядке, – решительно заявил Эли. – Спасибо за кофе... и за все остальное.

– Материнский инстинкт. Это у нее в генах, – пояснила Эйбра, когда они с Эли спустились с крыльца. – Мы с вами отлично знаем, что дело тут не во мне. Этот тип охотился не за мной.

– Но напал-то он все равно на вас. Так что получается, что и в вас тоже дело. Я сяду за руль.

– Я поеду за вами следом в моей машине, иначе вам придется отвозить меня обратно.

– Договорились. – Он взял ее под руку и подвел к своему автомобилю.

– Отлично. Похоже, что гены материнской любви сегодня вечером передались всем без исключения.

– Расскажите, что случилось. Майк не сообщил мне никаких подробностей.

– Когда началась гроза, я не смогла точно вспомнить, закрыла ли я все окна в вашем доме. Сегодня я проветривала комнаты и почему-то решила, что забыла закрыть окно в комнате Эстер, где стоят тренажеры. Мысль об этом никак не отпускала меня, и я поехала, чтобы убедиться лично. Я даже захватила с собой коробку с рагу из индейки, с клецками...

– Кстати, говоря о генах... поясните.

– Лично я предпочитаю словосочетание «гены доброй соседки». Света в доме не было. Сейчас я понимаю, что повела себя глупо и необдуманно, не обратила внимания на то, что без света был только ваш дом, в отличие от соседских. Я разозлилась. У меня был с собой маленький фонарик, потом на кухне взяла большой.

Эйбра виновато вздохнула:

– Я ничего не слышала, ничего не чувствовала. В этом неприятно признаваться, ведь я всегда верила, что обладаю неким шестым чувством и способна заранее ощутить опасность. В этот вечер оно меня подвело. Позор, короче говоря. Я поднялась наверх и увидела, что окно, конечно же, закрыто. Тогда я снова спустилась вниз, и тут мне в голову пришла мысль зайти

в подвал и попытаться запустить старый генератор, хотя я боюсь пауков, темноты и призраков и ничего не смыслю в электротехнике. Вот там он и напал на меня.

– Напал сзади?

– Угу. Все еще бушевала гроза, шел дождь, шумел ветер, и я, хоть убей, ничего не слышала, и тогда он схватил меня за горло. Но как только справилась с паникой, начала действовать. Ударила его, вцепилась ему в руку, высвободилась... Ткань. – Ей вспомнились незначительные подробности. Бывший адвокат наверняка их оценит, так же, как и полицейские. – Пожалуй, шерсть. Мягкая шерсть. Свитер или пиджак. Соображать было некогда, он лишил мой мозг доступа кислорода. На мое счастье, мне удалось взять себя в руки. Я бессознательно сделала все, что нужно для самообороны. Я брала уроки. ССНП. Это значит...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.